

Владимир МОСКАЛЕВ

ГУГЕНОТЫ

Владимир Васильевич Москалев

Гугеноты

Серия «Серия исторических романов»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21568212

Владимир Москалев. Гугеноты: Вече; 2012

ISBN 978-5-9533-6598-7

Аннотация

Роман В. Москалева «Гугеноты» представляет собой подробное изложение сложных, противоречивых, порой невероятных событий, происходивших при дворе Карла IX с 1560 по 1566 год. Это время стремительного нарастания противостояния между католиками и протестантами, время интриг и жестоких, кровавых столкновений, закончившихся печально известной Варфоломеевской ночью...

Содержание

Об авторе	5
От автора	9
Книга первая. Первая гражданская война	11
Часть первая. Против заблудших душ	11
Глава 1. В Пуасси	11
Глава 2. В Париже	27
Глава 3. О пользе собак	51
Часть вторая. Политика или религия	74
Глава 1. Две королевы	74
Глава 2. Женщины и политика	102
Глава 3. Васси	134
Глава 4. В Лувре. Как нажить за один вечер сильных врагов и обрести не менее сильных друзей	166
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Владимир Москалев

Гугеноты

*Оригинальность этой книги в том, что в ней
все похоже на роман, тогда как она целиком
представляет собой историю.*

Альфред де Виньи

Знак информационной продукции 12+

© Москалев В. В., 2012

© ООО «Издательство «Вече», 2012

Об авторе

Владимир Васильевич Москалев родился 31 января 1952 года в Ростове-на-Дону. Там прошло его детство. В школу пошел, когда переехали с отцом в Москву (нынешний район Печатники), и в 1969 году закончил 10 классов (уже в Кузьминках). К этому времени относятся его первые литературные опыты – следствие увлечения приключенческими романами. Это были рассказы – наивные, неумело написанные. Именно с них и начался творческий путь писателя, и тогда же им овладела мечта написать исторический роман. Вот как он сам вспоминает о том времени: «Мне было в ту пору 17 лет. Впервые я прочитал “Королеву Марго” А. Дюма и понял, что пропал. Захлопнув книгу, сказал сам себе: “Клянусь, напишу такую же! Если Дюма сумел, почему не смогу и я? Отныне – вот цель, которой посвящу свою жизнь”». Над ним смеялись, крутили пальцем у виска, прочили ему другое будущее, но все было напрасно. Мысль стать писателем не оставляла его, а жизнь между тем диктовала свои законы.

Надо было куда-то поступать учиться. «Чтобы писать, ты должен хотеть и уметь это делать» – вычитал Володя у кого-то из классиков. Значит, литературный институт. Литературу в школе он не любил, историю терпеть не мог. На этих уроках он засыпал; ему было не интересно, скучно. С остальными предметами, исключая иностранный язык, дело обсто-

яло не лучше. Как следствие – аттестат заперестрел тройками. Какой уж тут институт... Но все же попробовал, в один, другой... Результат, как и полагал – плачевный. Выход один: работа. Без специальности, без навыков... Выручила армия. Окончил автошколу ДОСААФ, получил права. Затем поступил в аэроклуб (тоже от военкомата). Днем работал, вечером учился. Спустя два года – пилот запаса ВВС.

Простившись с аэродромами, Владимир вернулся домой. Работал шофером, освоил специальность сантехника. Вскоре пришел вызов из летного училища, и он уехал в Кременчуг, а оттуда по распределению – на Север, в Коми АССР. К тому времени им было написано около 15 рассказов, но начинающий литератор никуда их не отсылал, понимая, что пока это только рабочий материал, еще не готовый к печати. Отточив перо, Москалев начал писать свой первый роман о Генрихе IV и через год закончил его. Отнес главу в одно из местных издательств, там округлили глаза: «Признайтесь честно, откуда вы это списали? Автор текста – кто-то из зарубежных писателей».

Вернувшись в Москву, Владимир отдал рукопись романа в литконсультацию и получил ответ: «Никуда не годится, совсем не знаете эпоху, хотя и обладаете богатым воображением». И он с головой окунулся в XVI век. Днями не вылезал из библиотек: изучал архитектуру Парижа, одежду дворян, их образ жизни, нравы, речь – и читал, читал, читал... Одновременно писал новые рассказы и, в который уже раз, пе-

ределывал старые, продолжавшие ему не нравиться. Первый роман он забросил и написал три новых. Отнес в издательство. Редактор с любопытством полистал рукопись: «Франция? XVI век? Оригинально... Не каждому по плечу. Что ж, попробуем издать». И издали.

Так сбылась мечта. Ну разве опустишь руки? Владимир продолжает много и плодотворно заниматься литературным творчеством. В его писательском багаже кроме романов есть басни о нашей сегодняшней жизни, о людях – хороших и плохих, есть два сборника рассказов, действие которых происходит в России второй половины XX века. Кроме того, Владимир продолжает свое путешествие в далекое прошлое французской истории, и пишет пьесы о франкских королях – Хлодвиге, Хильперике, Тьерри III. Остальные пьесы (а их пять) продолжают эпопею «ленивых королей». В планах Владимира Москалева – новый роман, но уже из эпохи раннего Средневековья.

Предлагаемое читателю издание романа «Гугеноты» – второе. Обнаружив в первом массу «неисправностей», допущенных большей частью при наборе, автор исправил текст и существенно его дополнил.

Избранная библиография В. В. Москалева:

«Великий король» (1978)

«Гугеноты» (1999)

«Екатерина Медичи» («Последняя любовь королевы») (2001)

«Варфоломеевская ночь» («Свадьба на крови») (2002)

«Хлодвиг, король франков» (пьеса, 2007)

«Хильперик I, франкский король» (пьеса, 2008)

«Тьерри III, король Франкии» (пьеса, 2008)

«Пипин III. Новая династия» (пьеса, 2010)

«Людовик I, Благочестивый» (пьеса, 2011)

От автора

Предоставляя сей труд на суд читателей, мне надлежало бы, наверное, дать подробную картину, предшествующую описываемым событиям. Например, предварить их рассказом о Франциске I¹, Генрихе II² и Франциске II³, о внутренней и внешней политике того времени и т. д. Поразмыслив, я решил ограничиться кратким вступлением.

Гугеноты... Кто они? Что за тайны кроются за этим полубытым словом? Что за напасть, добрых полстолетия лихорадившую Францию времен последних Валуа, они собой представляли?

Гугеноты – это люди другой веры. Веры, отличной от общепринятой и главенствующей. Новую веру дал людям Лютер, и они выбрали ее и последовали ей в пику католицизму – фундаменту, на котором веками и неколебимо покоился феодальный строй. Гугеноты отвергали иконы, мощи и индульгенции, осуждали продажность и косность церковников. Это и создало со временем предпосылки для рефор-

¹ Франциск I – король Франции (1515–1547); первый представитель Ангулемской ветви Валуа; сын графа Карла Ангулемского. Приверженец и покровитель французского Ренессанса.

² Генрих II – король Франции (1547–1559); сын Франциска I; муж Екатерины Медичи. Погиб на турнире.

³ Франциск II – король Франции (1559–1560); старший сын Генриха II и Екатерины Медичи.

мации общества, предусматривающей либо реформу церкви, либо... ее полное уничтожение. Разве могло духовенство стерпеть подобное?! Именно поэтому гугеноты и были объявлены еретиками, антихристами, безбожниками, пособниками сатаны и пр. Отсюда последовали и гонения на них. Называемые – по имени вождя – лютеранами и протестантами, они звались еще кальвинистами. И – гугенотами. Последнее название возникло от немецкого «*айдгеноссен*» – конфедерация, объединение, союз каких-либо организаций.

И о правительстве. 1560 год. У власти – Гизы, возглавляющие северное дворянство. Мария Стюарт, их племянница, замужем за королем Франциском II, сыном Екатерины Медичи. Однако Екатерина желает править единолично, без Гизов, умудрившихся спровоцировать излишнюю озлобленность гугенотов своей жестокой расправой над участниками Амбуазского заговора. Она же – сторонница мира, и ей в королевстве нужна реальная власть. Даже неожиданная смерть сына Франциска вполне ее устраивает. Мария Стюарт отправляется к себе домой, в Шотландию. Гизы удаляются в тень.

Екатерина Медичи становится регентшей. На деле – полновластной правительницей Франции, истинной хозяйкой королевства при малолетнем сыне Карле IX.

Книга первая. Первая гражданская война

Часть первая. Против заблудших душ

Глава 1. В Пуасси

1561 год. Первый год царствования несовершеннолетнего короля Карла IX. Вернее, его матери Екатерины Медици, ставшей наконец полновластной правительницей государства.

Гизам пришлось «потесниться»: как только умер Франциск II, королева-мать недвусмысленно дала им понять, что править отныне будет одна и в их услугах более не нуждается. Ни ее напускное запоздалое раскаяние, что придется лишиться армии, ни другие ее намеки на ту же тему ни к чему не привели. Однако Екатерина не сомневалась, что по первому же ее требованию Гизы примчатся обратно, дабы любыми способами заслужить ее благоволение. И когда те, поджав хвосты, удалились, затаив злобу и мечтая о реванше, Екатерина, не пожелавшая менять их ни на коннетабля, которого недолюбливала за его связь с Дианой де Пуатье,

ни на принцев крови, шутки с которыми, особенно с Конде, грозили опасностью ее семейству, взяла бразды регентства в свои руки. Официально же, согласно действующему в королевстве закону, объявила регентом первого принца крови Антуана Бурбонского. Ход ее выглядел весьма обнадеживающим: если в замыслах Гизов преобладали лишь честолюбие и стремление овладеть престолом, то Екатерина, стоит отдать ей должное, стремилась к единой монаршей власти ради процветания в государстве наук, искусств, ремесел, торговли и пр.

Итак, Гизы были отстранены Екатериной от власти. Кто же станет теперь вместо них ее советниками и министрами? Бурбоны?⁴ Но король Наваррский, испугавшись обвинений, предъявленных ему Екатериной в связи с амбуазским делом, отказался от регентства. Именно поэтому королева-мать, хотя и не получила официального титула регентши, всеми делами в королевстве стала заправлять одна. Современники вскоре начнут величать ее не иначе как «правительницей Франции», а королю Наваррскому будет отведена роль всего лишь своеобразного «адресата» – получателя корреспонденции из многочисленных королевских провинций. Однако поскольку «Салическая правда»⁵ запрещала передачу вла-

⁴ Бурбоны – французская королевская династия; побочная ветвь, ведущая начало от Роберта Клермонского (шестого сына Людовика Святого), женатого на сеньоре Беатрисе де Бурбон.

⁵ «Салическая правда» – правовой кодекс салических франков.

сти женщинам, регентом, как первый принц крови, считался именно он.

Неограниченная власть и излишне гибкая политика Екатерины, солидарной с канцлером относительно проявления терпимости к гугенотам, вызвали недовольство среди бывших приближенных. В результате герцог де Гиз, коннетабль Монморанси и маршал Сент-Андре создали в качестве оппозиции так называемый «Тройственный союз», заложив в его основу борьбу за принципы католицизма, благодаря чему получили активную поддержку фанатично настроенными в этом отношении народными массами.

Так обстояла ситуация в апреле 1561 года. А в сентябре, буквально накануне проведения в Пуасси очередной сессии Церковной палаты, Екатерина одновременно приблизила к себе Бурбонов и Шатильонов⁶, убив тем самым сразу трех зайцев. Во-первых, с помощью некогда мятежных феодалов Юга обеспечила поддержку трону против могущественных принцев Лотарингского дома. Во-вторых, благодаря назначению опекуном малолетнего Карла (а значит, и главным наместником королевства) Антуана Бурбонского, мужа Жанны д'Альбре, у нее появлялась возможность быть в курсе планов гугенотов, которые, выступая против католицизма, могли привести к подрыву законной власти и раздробленности

⁶ Шатильоны – французский аристократический род. Гаспар де Шатильон-Колиньи, отец адмирала Колиньи, был мужем Луизы де Монморанси, сестры коннетабля.

королевства. В-третьих, приближая первого принца крови, она как бы лишала протестантов их вождя. К тому же Бурбоны были к трону несравненно ближе, нежели Гизы⁷, и папа римский Пий IV, хотя и чрезвычайно противился распространению кальвинизма, неоднократно намекал на это.

Во имя великой миссии, возложенной на него Екатериной, и поверив Филиппу II, который пообещал подарить испанскую Наварру (захваченную Фердинандом V еще в 1513 году), Антуан Бурбонский решился даже перейти в католичество. В конце концов этого требовали интересы государства, а главное, этого хотела регентша. Екатерина, разумеется, догадывалась о неискренности мужа своей золовки Жанны, однако ради поставленных перед собой высоких целей закрыла на сей малозначительный факт глаза. Муж же королевы Наваррской продолжал тем временем служить основным звеном, посредством которого осуществлялось посвящение протестантов в курс практически всех принимаемых в королевстве мер – как со стороны правящей власти, так и со стороны оппозиции. Длилось это, правда, недолго.

Позиции двух враждующих лагерей и связанную с ними политику правительства можно изложить достаточно коротко.

Итальянские войны, начатые еще Карлом VIII и продолжавшиеся более шестидесяти лет, не принесли французам

⁷ Гизы – младшая ветвь Лотарингского дома. Родоначальником считается Клод Лотарингский, сын герцога Рене Лотарингского (1473–1508).

ни славы, ни богатства. Пожалуй, единственным их плюсом явилось приобщение французов к великой и прекрасной итальянской культуре, с чего, собственно, и началась во Франции славная эпоха Возрождения. Однако материальные неудачи этих походов вызвали в дворянских кругах недовольство центральной властью, вылившееся впоследствии в повсеместное обращение к кальвинизму и организацию оппозиции по отношению к политике правительства. Дальше – больше. Получив весьма широкое распространение среди дворян и буржуа (хотя последние могли жаловаться разве что на непомерные налоги), кальвинизм уверенно шагнул в среду рабочих и ремесленников.

А обессиленное и обнищавшее правительство лезло меж тем из кожи вон, чтобы хоть как-то расплатиться с армией, распущенной после заключения в Като-Камбрези позорного мира. Лишившись в результате этого договора нескольких своих территорий и истощив собственное население грабежами, насилием и налогами, государство наконец осознало, что денег взять неоткуда. Дворянам, вернувшимся с войны в полуразрушенные родовые гнезда, платить было нечем. Картина взору открывалась безрадостная: разоренные, а то и сожженные дотла деревни, разрушенные города, изрядно поредевшее население...

Тогда-то речь и зашла о секуляризации⁸ церковных земель. Разумеется, на горизонте мгновенно обозначились и

⁸ Секуляризация – здесь: передача земель из церковного в светское управление.

противники реформы. И в первую очередь, конечно же Гизы: основной доход их провинциям (Бургундии, Лотарингии и Шампани) приносила как раз церковь. Именно здесь, на севере страны, столицу окружало самое большое количество церковных бенефициев⁹, круглогодично питавших дворянство и королевский двор. И именно здесь, кстати, недовольных католицизмом насчитывалось меньше всего.

На юге Франции обстановка сложилась прямо противоположная. Гугеноты выдвинули свою программу секуляризации церковных земель. Дворянам их идея пришлась по нраву, и они толпами ринулись в кальвинизм, рассчитывая восстановить с его помощью пошатнувшееся материальное положение.

Почувствовав, в связи с создавшимся положением, неизбежность начала гражданской войны и стремясь не допустить раскола страны из-за распрей между католиками и гугенотами, Екатерина озаботилась поиском способов, позволивших бы отыскать деньги для удовлетворения нужд южного дворянства. Она как никто другой понимала, что озлобленные нуждой дворяне южной Франции могут легко объединиться с протестантами Германии, Швейцарии, Венгрии, Италии и других европейских стран. А это означало бы самую настоящую войну между Севером и Югом Франции. Войну, способную привести страну к непоправимому траги-

⁹ Бенефиций – здесь: земельный участок, получаемый духовным лицом в качестве вознаграждения за какие-либо заслуги.

ческому финалу.

Екатерина Медичи родилась от брака итальянского герцога Лоренцо Урбинского и графини Мадлен де ла Тур Оверньской, уроженки Франции. Возможно, именно с молоком матери она и впитала любовь к этой стране и ее народу. Во всяком случае, некоторые современники утверждали, что в плане патриотизма эта властная женщина не уступала самой Орлеанской девице. Единожды задавшись какой-либо целью, назад Екатерина уже не отступала.

Нашла она выход и из сложившейся ситуации. Повлекший, правда, недовольство со стороны дворянства. «Но пусть уж лучше ропот дворян, нежели масштабная война, могущая привести к государственному перевороту», – решила Екатерина. В случае смены правительства ей вряд ли удастся удержаться: победит Север – Гизы посадят на трон человека, удобного им; победит Юг – королем станет либо Конде, либо Антуан Наваррский. Ропщущих же дворян всегда можно усмирить: достаточно напомнить им хотя бы о эпохе Людовика XI. Впрочем, для этой цели существуют еще и тюрьмы, и виселицы, и плахи, и костры, и галеры... Великий Ришелье, стремясь привести Францию к единоначалию, в свое время к этому и прибегнет, а пока...

Пока вместе с королевой-матерью о благе государства радел Антуан Бурбонский, родоначальник королей, которым суждено было вскоре сменить династию Валуа. Вдвоем они придумали весьма действенный ход: продавать государ-

ственные должности людям «мантии». То есть – представителям буржуазии, обладающим средствами, столь необходимыми правительству. Ну и что, что раньше эти должности раздаривались королем за просто так? А теперь за них придется платить, только и всего. И чем больше денег готовы выложить, тем выше и значимее вас ждет должность. А выбор большой: от сборщиков и приемщиков податей до правительственного канцлера. Включая, разумеется, казначейские, судейские, секретарские, президентские и прочие посты. Более того, людям «мантии» позволялось отныне скупать и земельные владения. Другими словами, у буржуазии появлялась возможность наживаться за счет простого народа на займах и откупах.

Понятно, что эта прослойка общества, вечно ворчащая из-за непомерно высоких налогов, на сей раз целиком и полностью поддержала королевскую власть. Люди «мантии» тоже опасались политической раздробленности страны. А против гугенотов выступали по двум причинам: во-первых, не признавали оппозиционному католицизму религии, а во-вторых, считали протестантов зачинщиками религиозных войн, ведущих страну к разобщенности.

Вот так и получилось, что ко времени правления короля Карла буржуазия проникла и на церковные должности, и в королевский совет, хотя прежде эти посты принадлежали только дворянам. Настал черед аристократии выражать свое недовольство. И пришлось Екатерине, решив одну задачу,

срочно приниматься за другую: как заставить дворян отказаться от стремления вернуть себе былые вольности?

Она не зря приблизила к себе Антуана Бурбонского. Именно его рукой Екатерина и хотела усмирить мятежных феодалов Юга. Деньги, вырученные от продажи должностей, исправно шли в казну, а от секуляризации церковных земель – на удовлетворение потребностей южной аристократии. Однако подобное положение дел привело в негодование Лотарингское семейство.

В связи с этим в августе в Понтуаэ съехались представители Генеральных штатов. Канцлер л'Опиталь надеялся, что при дефиците в сорок с лишним миллионов ливров правительство пойдет штатам на уступки. А следовательно, выполнит их требования: позволит осуществлять контроль над финансами страны, обеспечит места в законодательных органах и предоставит возможность участвовать в продаже церковных имуществ. Первые два условия оказались для Екатерины неприемлемыми: выполнив их, она лишила бы королевскую власть авторитета. Выполнила лишь третье условие, да и то частично, и это помогло в подавлении восстания на Юге.

Больше денег штаты не дали.

Таково было положение дел в 1561 году. В сущности же, все вышесказанное, т. е. войну католиков с гугенотами, войну Севера с Югом можно изложить в нескольких словах. Одни имели все, другие – ничего. Одни были богаты, другие – бедны.

Это была война богатых против бедных.

* * *

В сентябре 1561 года Екатерина Медичи, как всегда, лояльная по отношению к обеим партиям, решила помирить враждующие стороны, точнее, сделать попытку утихомирить вспыхивающие страсти, устроив для виднейших представителей этих партий нечто вроде турнира. Но не вооруженного, а словесного. Возможно, кто-то из них победит, другие тогда на время поостынут. Если же найдется общий для всех компромисс, ей не в чем будет упрекнуть себя впоследствии. Со своей стороны она сделала все, что могла, и не ее вина в том, что эти две воинствующие клики вскоре начали душить друг друга вместо того, чтобы хотя бы попытаться кончить дело миром.

В отношении Гизов у правительства не было никаких двусмысленностей. Но вот удастся ли им убедить проповедников-гугенотов в их заблуждениях? Коли случится так, она согласна простить им все их выходки, но потом, когда все успокоится, она им все припомнит. Виселиц и костров хватит для всех возмутителей спокойствия. А сейчас надо быть гибкой и проводить политику примирения.

В связи с этим уже был издан эдикт о свободе вероисповедания в марте 1560 года. Но гугенотам показалось этого мало, и они открыто выступили против центральной власти,

попытавшись захватить короля в замке Амбуаз. Эдикт отменили, с заговорщиками жестоко расправились. При этом чуть было не послали на плаху самого Конде, которого хитростью заманили в ловушку. Екатерина, правда, не хотела смертной казни, боясь, что это ей сильно повредит в случае, если ее сын умрет и она станет регентшей. Да тут еще Монморанси стал умолять ее... Смерть Франциска явилась для нее облегчением: Конде тут же был выпущен на свободу, поскольку власть Гизов закончилась, а сама она стала правительницей государства.

Страсти немного улеглись, но через год вспыхнули снова. Новый эдикт? Возможно, придется пойти и на это; все зависит от того, каков будет результат собеседования, которое враждующие стороны с согласия правительства решили устроить в Пуасси близ Парижа в сентябре 1561 года.

Местом сбора назначили доминиканский монастырь, время – десять часов утра. К девяти часам толпы народа уже отовсюду начали стекаться на площадь перед монастырем, чтобы стать непосредственными участниками событий, которые безусловно оставили свой след в истории. Здесь были и католики, и гугеноты, как политические, так и религиозные. Здесь же, как на площади, так и в самом здании, находилась группа политиков, радеющих не о религиозных распрях, а единственно о благе государства. Впрочем, тогда они еще открыто не заявили о себе как о партии, это случилось несколько позже. Среди них – канцлер л'Опиталь, известный

оратор барон де Силли и адвокат Жан Ланж. На этих последних Екатерина возлагала надежду о примирении сторон, и им несколько дней тому назад были даны на этот счет соответствующие указания.

В половине десятого к месту сбора подкатила карета в окружении всадников в темных одеждах и белых брыжах. Это были гугеноты, сопровождавшие кардинала де Беза¹⁰, который и должен был представлять на форуме партию протестантов.

Едва он вышел из кареты, толпа разногласно загудела и зацолюхалась. Иные глухо ворчали, другие дружно рукоплескали; католики хмурили брови, гугеноты кричали слова приветствия. За кардиналом, опираясь на его руку, вышла королева Наваррская¹¹. В начале этого года она официально отказалась от католической религии и приняла новую веру, видимо, в противовес своему мужу, который собирался перейти в католичество. В Париже она остановилась в Бурбонском дворце, потом переехала в замок Сен-Жермен. Кроме них со стороны протестантов присутствовали коадьютор Кальвина и итальянский пастор Пьеро Вермилы.

Де Без милостиво кивнул тем, кто приветствовал его. Толпа, на две трети состоявшая из католиков, угрожающе заво-

¹⁰ Без, Теодор де (1519–1605) – знаменитый кальвинистский проповедник.

¹¹ Королева Наваррская – Жанна д'Альбре (1528–1572), дочь Маргариты Наваррской Валуа; племянница Франциска I; двоюродная сестра Генриха II; супруга короля Наваррского Антуана, герцога Вандомского; мать Генриха Наваррского.

новалась и двинулась было на него, но дорогу ей преградил эскорт лучников, заранее выстроившихся вокруг площади и у ворот монастыря во избежание вооруженного столкновения враждующих партий. Людская масса неохотно попятилась, раздалась в стороны, и тут же послышались из ее недр радостные возгласы:

– Гизы! Гизы едут!

Действительно, с одной из улиц на площадь уже выезжала карета с гербом Лотарингского дома в сопровождении вдвое большего количества всадников, командовал которыми облаченный в металлические доспехи герцог Неверский. Под громкие крики и неистовые рукоплескания одних, тех, кто только что хмурил брови, и под глухой, сдержанный ропот других, тех что минуту назад столь бурно встречали своих вождей, карета подъехала к монастырю и остановилась напротив дверей. Из нее вышли кардинал Лотарингский, его брат Клод, герцог Омальский, и с ними – трое иезуитов из недавно основанного неким Лойолой¹² ордена, созданного для того, чтобы еще больше усилить католическую фракцию и еще рьянее взяться за преследование приверженцев Лютера, Цвингли и Кальвина.

Обе стороны сдержанно поклонились друг другу, как противники, чьи клинки через минуту скрестятся в воздухе. Сопровождаемые своими сторонниками, они вошли в здание, где их уже ожидали члены королевского семейства, кардинал

¹² Лойола Игнатий (1491–1556) – основатель ордена иезуитов (1540), испанец.

Карл Бурбонский¹³, брат адмирала кардинал де Шатильон¹⁴ и другие.

Всемирная церковь должна была урегулировать религиозный конфликт и прийти к единому мнению в вопросах веры. Такое предложение выдвинул Мишель де л'Опиталь, и это вызвало всеобщее одобрение.

Желая примирения, де Без с позиций учения Кальвина будет порицать мятежников, посмевших выступить против короля – всякое восстание преступно, ибо власть короля получена им от Бога. Но Гизы не пожелают примирения, объявив, что все подданные должны исповедовать одну веру.

Много позже Екатерина поняла, что теперь уже ничего не удастся сделать: слишком озлоблены были друг против друга две группировки, каждая имела свое собственное мнение по поводу тела и крови Христа в священном хлебе и вине, и каждая партия на свой лад толковала в связи с этим о Евхаристии. Ни о каком примирении не могло быть и речи. И в уме королевы-матери зародился другой план: пойти еще на какие-либо уступки гугенотам, дабы предотвратить восстания в и без того опустошенной, истерзанной стране.

В течение месяца, что длился colloquium, народ Франции терпеливо ждал и думал: кто же победит в этом словесном диспуте? Придется ли им отныне петь псалмы или они

¹³ Кардинал Бурбонский, Карл (1523–1590) – брат Антуана Наваррского и Людовика Конде; третий сын герцога Карла Вандомского (... – 1537).

¹⁴ Кардинал Оде де Шатильон (1515–1571) – брат адмирала де Колиньи.

будут по-прежнему слушать мессу? Что же все-таки главнее: Священное Писание или Священное предание, от чего же зависит спасение человека: от священного таинства или от внутреннего состояния каждого индивидуума и неужто освободиться от грехов можно только верой, даруемой непосредственно Богом, а не добрыми делами, как учат этому святые отцы матери-церкви, подразумевая под этим таинства – отпущение грехов и спасение души? Вера человека – вот единственное средство общения с Богом, так учат протестантские проповедники. Но тогда... выходит, церковь вообще и не нужна?!

И площади застывали в молчаливом ожидании.

* * *

А у себя в кабинете в Лувре Екатерина Медичи думала о другом. Ее интересовал политический аспект дела.

Южное дворянство... Истинные верующие – зажиточный класс, буржуазия, горожане, и их можно понять: учение Кальвина о накоплении способствует их процветанию в делах. Но эти?... Для них религия – только флаг. Пусть себе молятся те, они не столь страшны, в конце концов для них можно будет издать новый эдикт о веротерпимости. Но как побороть этих? Они дворяне, и они сильны, вкупе с буржуазией это грозная сила... Правда, и это было для нее очевидно, основная часть зажиточной буржуазии все же остава-

лась католической и чувствовала себя вольготно под крылом королевской власти. Этот двойственный союз был нерушимым, правительству он давал силы для борьбы с мятежными вассалами, а города и провинции обретали могущество, создавая единый внутренний рынок.

Но – и она снова вернулась к начатой мысли – оставшейся, недовольной части, той, в мозгах которой уже засела отравленная мысль об упразднении церкви, втолкованная ей протестантскими проповедниками, этой части буржуазии только того и надо, чтобы ею кто-то руководил, тот, у которого в руке меч. В случае нужды она поможет деньгами.

Вот две капли, которые не разлить. Будь прокляты Итальянские войны, они принесли постыдный мир и нищету. Никакого дохода, сплошь убытки, повлекшие разорение и обнищание южного дворянства, усадьбы которого разграблены солдатами, а деревни сожжены.

Денег, денег и еще раз денег! Вот чего они требуют. А где она их возьмет? Не у папы же в конце концов и не у Гизов. Вот если только потрясти церковников, уж больно они зажиrowали при покойном супруге, отхватили себе огромные богатства, владеют десятками бенефициев, в то время как ее мятежные южане голодают и скрипят зубами от злости, глядя на северные и центральные области, не испытывающие недостатка ни в чем под крылом королевской власти, под крышей святой церкви.

И опять церковь... Нет, положительно, вот единственный

источник, который хотя бы на время утихомирит разбушевавшиеся страсти. Если, конечно, дело не дойдет до прямого вооруженного столкновения. Амбуаз – дело прошлое, тут они сами виноваты, за что и поплатились собственными головами, но как не допустить новой стычки между католиками и гугенотами? Те, последние, в общем-то, более мирные. Лишь бы Гиз по своей горячности не вздумал учинить какого-нибудь побоища, тогда к черту все планы о примирении, останется только готовиться к настоящей, открытой гражданской войне. Снова междоусобица... Ах, Гиз, только бы он не сотворил какую-нибудь глупость! Пожалуй, надо несколько приблизить его к себе, пусть будет под рукой, так спокойнее.

Вот о чем размышляла Екатерина Медичи в своем кабинете, сидя в кресле и задумчиво глядя на пылавшие в камине поленья вечером того дня, когда страсти в Пуасси несколько поутихли с тем, чтобы вновь разгореться в последующие дни.

Глава 2. В Париже

В один из дней съезда в Париже у Центрального рынка на перекрестке улиц Тонельри, Монторгейль и Ла Фрумаджери собрались горожане, чтобы послушать какого-то монаха, который с помоста между Старым колодцем и Позорным столбом разглагольствовал по поводу того, о чем говорилось

сейчас на съезде в Пуасси, а также о беспорядках и смутах, причиняемых гугенотами.

На других улицах и площадях шли такие же сборища, и там тоже ораторствовали монахи-францисканцы в защиту истинной католической религии. Об этом беспокойные парижане толковали сейчас везде: на каждом углу, у любого столба, в любой подворотне. И если на таком сборище случалось распознать в ком-либо гугенота, его тут же преследовали, догоняли и избивали. Его лавку, если он был торговец, разбивали, его дом, если узнавали, где он живет, подлежал тут же разграблению, а нередко и сожжению. Причем агрессивными горожанами руководили не столько мотивы религиозного направления, сколько зависть и ненависть к тем, кто жил богаче их, кто копил богатство во славу Божию, как учил этому Жан Кальвин. Словом, те, кто не любил трудиться, а потому не мог выбиться из класса городской бедноты, использовали удобный случай для сведения счетов с зажиточными соседями, коими нередко и являлись протестанты, т. е. кальвинисты. Такое положение дел устраивало католиков, и они бурно приветствовали каждого монаха-фанатика, бросающего гневные возгласы о том, что недалеко то время, когда земля Франции очистится от скверны, а им, его слушателям, дадут в руки оружие, и они избавят страну от еретиков, этих заблудших душ.

Одним из таких «заблудших», о лжеучении которых кричали с пеной у рта монахи-францисканцы на площадях Па-

рижа, был молодой человек, только что прошедший по мосту Менял и направляющийся в сторону кладбища Невинноубиенных.

Звали его Лесдигьер. Ему было только восемнадцать лет, он приехал в Париж с юга страны без малейших средств к существованию, надеясь здесь, в столице, как-то поправить свое материальное положение. Его родовое поместье в Лангедоке пришло в совершенный упадок, обветшало и почти развалилось; вконец обнищавшие, задавленные непомерными налогами крестьяне не могли прокормить своего сеньора. Отец, весь искалеченный в Итальянских войнах, давно уже не вставал с холодной постели, и сыну ничего не оставалось, как, оставив его на попечение старого эконома, отправиться по свету искать счастья с несколькими монетами в кармане. Это было все, что смог дать ему больной отец, если не считать берета с голубым пером и старой шпаги, которая верой и правдой служила славному воину господину Арману де Лесдигьеру со времен Франциска I. Что касается матери молодого человека, то она умерла от чумы два года тому назад, спустя полтора месяца после смерти короля Генриха II.

Лесдигьеры были гугенотами, но, в отличие от отца, который всерьез проникся учением Кальвина и Цвингли, его сын принадлежал скорее к гугенотам политическим, которые выражали свой протест против королевской власти, способствовавшей неудачам Итальянских походов. Возможно, именно поэтому гугенотов называли еще и протестантами,

хотя истинное значение этого слова определилось гораздо раньше и в другой стране¹⁵. Вера была для Лесдигьера-младшего символом оппозиции католицизму, который объединял сытых и довольных. Однако молодой человек не был чужд и учения протестантских проповедников. Он принимал деятельное участие в душевспасительных беседах о вере со своим отцом, он никогда не пропускал проповедей пастора об истинной вере, коей учил кальвинизм, и тем больше становился гугенотом, чем глубже проникал в сущность учения вождей Реформации в Германии.

Долгая и трудная дорога привела сына господина Армана в Париж. Больше ему некуда было идти. Либо здесь он найдет свою счастливую звезду, либо окончит свои дни, безвестный и никому не нужный, в какой-нибудь из сточных канав или в болотах Тампля. Он вошел в город через ворота Сен-Мишель около десяти часов утра и, не зная куда идти, направился вперед по самой широкой улице, которая вела к

¹⁵ Так называли германских князей-лютеран, выразивших протест против Шпейерского рейхстага 1529 г., на котором, во-первых, было подтверждено решение Вормского эдикта 1521 г., осудившего Мартина Лютера как еретика; во-вторых, отменено постановление рейхстага 1526 г. о предоставлении каждому князю права самостоятельно регулировать вопрос о религии его подданных; в-третьих, была приостановлена секуляризация земель Церкви. Тогда около 15 городов и некоторые германские князья подали императору протест с заявлением, что «...религия – дело совести каждого, а вовсе не результат убеждения, внушаемого большинством». Подписавших этот протест стали называть «протестантами».

Городу¹⁶.

Париж встретил Лесдигьера гулом площадей и звоном колоколов в честь дня Воздвижения¹⁷. Он шел мимо закрытых или раскрытых настежь окон домов и любовался цветными витражами на фасадах дворцов и церквей.

Дома встречали его неодинаково: одни – равнодушно, будто бы даже демонстративно отвернувшись, другие – улыбаясь своими открытыми окнами и дверями, третьи – нахмурившись, глядя на него с недоверием, граничащим с подозрением, четвертые – с любопытством, пятые – с презрением. У себя в Лангедоке он тоже видел такие дома, но их было немного, да и выглядели они дружелюбнее; здесь же он буквально был раздавлен громадой искривленных, неимоверно раздавшихся ввысь домов парижан. Они окружали его со всех сторон будто сказочные великаны и глядели на него с изумлением, словно спрашивая этого одинокого путника, где это он оставил свою лошадь и зачем он вообще пришел сюда, они вовсе не ждали его к себе в гости. Он казался сам себе ничтожным в окружении двух-, трех- и даже четырехэтажных домов и дворцов, мимо которых, как сквозь строй безмолвных стражей этих памятников и свидетелей прошлых поколений, он проходил.

Это была столица! Это была громада – чудовищный колосс, вылепленный руками десятков поколений архитекто-

¹⁶ Париж делился на три части: Город, Сите и Университет.

¹⁷ 27 сентября.

ров, огромный сложный механизм, и он чувствовал себя в нем маленьким винтиком, который, кажется, вовсе не надобен этому гиганту, прекрасно существующему и без него.

Никто не интересовался Лесдигьером. Париж жил своей обычной повседневной размеренной жизнью, у каждого здесь были свои дела: кто-то ходил и выбирал себе покупки в лавках перчаточников, парфюмеров, ювелиров и на городских рынках, другие тем временем незаметно следовали за ним по пятам, мечтая срезать висящий у его пояса кошелек; одни продавали на рынках и по краям широких улиц изделия собственного производства или овощи из своего огорода, завезенные ими сюда чуть свет из близлежащих деревень, иная же категория не желающих обременять себя никаким трудом искателей легкой наживы с нетерпением дожидалась вечера, чтобы на какой-нибудь из темных и глухих улиц неожиданно напасть на одинокого путника и обобрать его до нитки.

Чем дальше продвигался вперед молодой гугенот, тем ближе сходились к переносице его брови. Когда он пересекал Сите, он уже знал о съезде в Пуасси и о чем судачили парижане. Ему было ясно, что таких, как он, здесь не ждут, и съезд в Пуасси, скорее всего, закончится провалом их партии. Теперь будущее представлялось Лесдигьеру в весьма неприглядном свете, но он продолжал идти вперед, не зная еще, что через много лет он будет с грустью вспоминать этот первый свой день в Париже, который так негостеприимно

встретил его.

Пройдя перекресток с улицей Сен-Жак де Ла Бушри, Лесдигьер услышал человеческий гомон, доносившийся слева, и повернул туда. Через минуту он оказался на площади Шевалье. Здесь располагались торговые ряды, между которыми сутились парижане. Молодой гугенот подошел к одному из прилавков, за которым стояла пухлая молодая женщина, торговавшая жареным мясом и птицей. Наш юный путешественник не ел уже около суток, поэтому при виде вяленых окороков, вареной колбасы и жареных цыплят, плавающих в жиру, у него потемнело в глазах. Он запустил руку в карман. Там жалобно звякнули друг об друга, а потом сиротливо появились на свет Божий две монетки по одному ливру каждая. Это было все, что у него осталось от продажи коня. Это было все, с чем он вошел в Париж.

Лесдигьер печально вздохнул, и тут ему вдруг показалось, будто кто-то наблюдает за ним от дверей одного из домов. Он посмотрел в том направлении и увидел большого коричневого пса, который, подняв уши и склонив голову набок, с любопытством разглядывал его. Пес был голоден, это было видно по его впалому животу, по ребрам, которые, кажется, вот-вот прорвут шкуру и выскочат наружу, и по взгляду, которым он смотрел на Лесдигьера.

Наш герой подмигнул псу и горько улыбнулся, будто хотел сказать, что они товарищи по несчастью. Пес, по-прежнему не сводивший с него умных, доверчивых глаз, вильнул

хвостом, давая понять незнакомцу, что он искренне ему сочувствует.

Лесдигьер печально поглядел на свои два ливра и отдал один из них торговке. Взамен он получил хлеб и мясо¹⁸, а оставшуюся монету положил в карман. Пес внимательно проследил, как ливр исчезает из виду и, когда человек устроился на лежавшем поблизости ящике, робко подошел и остановился в трех шагах. Потом сел на задние лапы и сглотнул слюну, глядя, как молодой протестант торопливо поедает вкусности.

Лесдигьер так увлекся, что забыл про пса и вспомнил только тогда, когда услышал негромкое повизгивание. Он повернул голову и обомлел: как он мог забыть? Лесдигьер обозвал себя эгоистом и кинул собаке кусок мяса. Та схватила его прямо на лету и вопросительно посмотрела на юного гугенота. Нет, другого куска не предвиделось, значит, надо жевать. Пес добросовестно подвигал челюстями, наслаждаясь ароматом вкусного мяса, потом сглотнул его и подвинулся на один шаг поближе к источнику угощения, где оставался еще небольшой кусок мяса. Еще секунда – и тот исчезнет во рту у незнакомца!

Лесдигьер раскрыл уже рот, собираясь проглотить этот кусок, но, взглянув на своего невольного сотрапезника, за-

¹⁸ В описываемый период времени цены на продукты питания были высоки, страна жила впроголодь. Полвека спустя за те же деньги можно уже было купить целого поросенка. – Примеч. авт.

стыл. Пес поджал уши и опустил голову. Лесдигьер улыбнулся и протянул руку с лежащим на ней аппетитным жирным куском прямо к пасти пса.

– Бери, дружище, – ласково сказал он псу. – Я ведь съел больше тебя, а потому поступил бы несправедливо, если бы не предложил этот кусок тебе.

Пес подошел к самым ногам юноши, схватил мясо и с наслаждением съел его. Потом улегся на землю, вытянув лапы вперед, и преданно посмотрел в глаза человеку. Лесдигьер потрепал его по шее, пес в ответ на ласку потянулся к нему мордой, потом поднялся на лапы и уставился на карман, где лежала последняя монета бедного гугенота.

– Так, так, – проворчал Лесдигьер, усмехаясь. – А ты не так прост, приятель, как я думал. Ты предлагаешь мне купить еще мяса? – и юноша вытащил из кармана последнюю монету.

Пес заскулил и завилял хвостом.

– Я понимаю тебя, брат, – сказал юный протестант, кладя руку ему на голову. – Ты хочешь сказать: чего, мол, жалеть этот последний ливр. Уж наесться, так досыта. А завтра что-нибудь придумаем, верно?

Пес коротко пролаял.

– Верно, – сказал Лесдигьер и разжал кулак, затем вновь подошел к прилавку, откуда тотчас вернулся, неся в руках двух небольших цыплят. Человек и пес поделили их по-братски и тут же съели.

– Ну вот и все, – сказал Лесдигьер, вытирая руки платком, – с завтраком покончено, а заодно и с обедом, и с ужином. Что ж, пойду дальше. Прощай, друг. – Он поднялся, сделал несколько шагов и вдруг увидел, что пес бежит рядом.

Лесдигьер остановился.

– Ты что же, хочешь идти со мной, дружище? – спросил он.

Пес тоже остановился и выразительно посмотрел ему в глаза.

– Но я ведь не представляю, куда иду, я еще никогда не был в Париже.

Его сотрапезник поднял заднюю лапу и почесал за ухом.

– Чем же я буду тебя кормить, если сам не знаю, что буду есть?

В ответ молчание, потом короткий лай и преданный взгляд умных глаз.

Лесдигьер посмотрел в сторону Тампльского аббатства, на врезающиеся в лазурное небо острые шпили церквей и тяжело вздохнул. Что ожидает его там? Кому он здесь нужен?

А тут еще эта собака...

Он посмотрел на пса, напряженно ожидающего его решения, и улыбнулся:

– Ну что ж, в дорогу!.. Я вижу, ты такой же бездомный, как и я. Вдвоем нам будет не так скучно.

И они отправились вверх по улице Сен-Дени.

Внезапно юноша остановился.

– Но как же мне назвать тебя, приятель, а? Ты такой коричневый, как мокрая глина возле тех мест, где я совсем недавно проходил. Вот что, я назову тебя Брюном. Не возражаешь? Брюн! Понимаешь?

Пес, склонив голову набок, с любопытством посмотрел на Лесдигьера, видимо, пытаясь сообразить, подойдет ли ему новое имя. Наконец он решительно пару раз пролаял для порядка и потерся мордой о ногу своего хозяина, выражая согласие и полную готовность следовать за юным гугенотом, куда бы тот ни пошел.

Они только что миновали общежитие каноников, что напротив госпиталя Сен-Катрин; дальше эта широкая прямая улица вела в сторону городских ворот. Вдруг Лесдигьер увидел, как со стороны кладбища аббатства Св. Иннокентия к нему подходит небрежно одетая в пестрые наряды женщина, судя по виду, цыганка. Он хотел пройти мимо, но она уже цепко ухватила его за руку, поворачивая ладонь кверху.

– Не торопись, красавчик, ведь я – та, кто предскажет тебе судьбу, – улыбаясь, проговорила она, глядя на него жгучими черными глазами. – Никто во всем Париже не умеет угадывать будущее так, как я. – Лесдигьер попытался выдернуть руку, но цыганка крепко держала свою добычу. – Ты не веришь мне? – разочарованно протянула она. – Ты не хочешь знать свою судьбу?

– Прости меня, добрая женщина, – виновато улыбнулся юноша, – видит Бог, я не хотел тебя обидеть и желал бы

узнать свое будущее, но... но у меня нет ни единого су в кармане. Мне нечем будет заплатить тебе.

Цыганка надула губки и выпустила его руку.

– Тебя обокрали? – неожиданно игриво спросила она. – Или ты все истратил на любовниц?

– У меня нет любовниц, – пожал плечами Лесдигьер. – Я просто беден, и красть у меня нечего. А в Париже я впервые, и у меня нет здесь никого знакомых, кроме вот этой собаки.

Он печально улыбнулся цыганке и уже прошел шагов пять, как вдруг она догнала его и снова взяла за руку. Он обернулся.

Она смотрела на него, отвечая ему той же улыбкой, с какою он только что простился с ней. В ее поведении чувствовалась перемена. Так с ней еще никто не разговаривал, обычно ей грубили.

– Это не беда, – произнесла она. – Ты красавчик, и этим все сказано. Я погадаю тебе бесплатно, так уж и быть, такая у меня добрая душа.

Лесдигьер не стал возражать и только вздохнул в ответ.

Через полминуты после того, как цыганка начала разглядывать ладонь, она с любопытством уставилась на Лесдигьера.

– У тебя будет много любовниц, – сказала она ему. – Все они знатные дамы. И одна из них станет твоей женой.

– Любовницы? У меня? У бедняка? – недоверчиво протянул он.

Цыганка несколько раз кивнула:

– Ты будешь богат и знатен.

Он только усмехнулся и покачал головой.

– Не веришь? – женщина пристально взглянула ему в глаза. – Так знай же, что одной из твоих возлюбленных будет сама королева!

– Ты с ума сошла, цыганка! – выдернул свою руку Лесдигьер.

– Нет! – твердо сказала она. – Я говорю правду. Так написано на твоей руке!

Лесдигьер в растерянности уставился на свою ладонь.

– А теперь прощай, – цыганка развернулась и неторопливо пошла вниз по улице Сен-Дени. – Не забудь же отблагодарить меня, когда станешь богатым, красавчик! – крикнула она, обернувшись. – Меня зовут Лаура, я живу в Сите, на улице Фев. Быть может, и я окажусь в числе твоих любовниц! – добавила она, звонко рассмеявшись.

Лесдигьер лишь безнадежно махнул рукой.

Они с Брюном неторопливо двинулись дальше и вскоре добрались до монастыря Сен-Маглуар. Вдруг слева, со стороны Рыбного рынка, послышался шум многоголосой толпы, выкрикивающей проклятия в чей-то адрес.

Лесдигьер остановился.

– Пойдем по этой улице, Брюн, – сказал он, – послушаем, о чем так громко спорят парижане.

Они повернули на улицу Проповедников и остановились у

Старого колодца, где какой-то монах с трибуны ораторствовал в защиту истинности учения католической церкви.

– Мы здесь долго не задержимся, – сказал юный гугенот. – Везде на все лады ругают и клянут почем зря протестантов, будто они заклятые враги отечества. Сиди рядом. Постой, куда же ты?..

Но Брюну не было никакого дела до того, о чем распинался рыжий монах-францисканец. Он вдруг увидел суку, лежащую преспокойно в десяти шагах от них на каких-то старых досках и греющуюся на солнышке. Бросив извиняющийся взгляд на хозяина, Брюн рванул с места и через мгновение был уже там, куда увлек его собачий нюх.

Лесдигьер проследил за ним взглядом, удостоверился, что пес ушел недалеко, и принялся слушать.

Монах тем временем вещал:

– Тот, кто стремится достичь спасения на том свете, может получить его, лишь искупив свои грехи добрыми делами! «Путь к спасению только в вере в Бога!» – учат они. Пусть так. Но человек не имеет прямого пути для общения с Господом, и здесь ему нужен посредник, коим является римско-католическая церковь, верными сынами которой мы с вами являемся. Не будет исповеди со священником – не будет и спасения, и тот, кто не хочет этого признавать, будет гореть в аду, и сожрут его и все его потомство геенны огненные.

Раздались рукоплескания. Когда шум утих, монах продол-

жал:

– Они отвергли мессу, они признают только черную одежду и не хотят слышать ни о какой другой. Представьте себе, братья и сестры, кардинала или епископа в черных одеждах; чем он тогда будет выделяться в толпе, кто узнает, каков сан одного из Святых отцов церкви? Но это еще не всё. Проклятые еретики не почитают святых и чудодейственных икон, утверждая, что Бог един и молиться ему должно воочию, только глядя в небеса, а иконы, изображающие святых, и мощи святых, те, что дают чудодейственное исцеление христианам, есть не что иное, как оскорбление Бога, насмешка над Ним. Выходит, братья и сестры, мы оскорбляем Господа, когда осеняем себя крестным знамением?!

– Смерть еретикам! – взревел кто-то, и тотчас отовсюду послышались гневные возгласы:

– Долой гугенотов!

– Искореним крамолу и заразу!

– Очистим нацию от скверны!

– На костер протестантов!..

– Но и это еще не всё! – с жаром продолжал монах, воодушевленный столь дружной поддержкой. – Они утверждают, что Дева Мария, подарившая нам Иисуса, была обыкновенной женщиной, но ведь мы-то с вами знаем, что она была святой, ибо как простая женщина смогла бы родить сына Божьего?! Они отвергают праздники и священные обряды церкви, установленные самой божественной властью.

Они учат, что Бог поделил все человечество на тех, кто своим рождением уже предопределен к спасению и кто предназначен к гибели. Но разве не учит нас наша святая мать-церковь, что никто не может знать – попадет ли его душа в рай или ад? Каждый человек грешен по природе своей, и Господь наш Иисус Христос своею кровью искупил грехопадение рода человеческого. И та же кровь пролита Им во спасение каждого человека, рожденного во грехе. Однако, едва он родится, как Сатана своими греховными искусами совращает человеческие разум и плоть и продолжает делать это на протяжении всей его жизни, и если не вымолить прощения у Бога через духовника, если не искупить грех не первородный, но вызванный змеем-искусителем, то бишь дьяволом в колдовском обличье, то быть непременно тому грешнику в аду, и да свершится при этом воля Господа. Вот что ждет проклятых еретиков, отступников от матери нашей римской церкви. Да обрушатся громы небесные на головы нечестивых протестантов, посмевших подать свой голос во славу дьявольского еретического учения, во славу их проповедников, диктующих, что церковь не есть связующее звено между человеком и Богом!

Площадь разразилась овациями и криками, не сулящими ничего хорошего тому, кто посмел бы всенародно объявить себя приверженцем протестантской веры. Лесдигьер молчал, покусывая губы и хмуро глядя на монаха и сборище олухов, которых он дурачит.

Монах, ободренный собственными речами, не давал времени слушателям опомниться, вникнуть глубоко в смысл его проповеди:

– Они подчиняются только торжествующей церкви, признают только Бога, ангелов и святых и отрицают церковь воинствующую, которая включает в себя папу, кардиналов, епископов и остальных духовных лиц. Вот откуда их убеждение в спасении души только верой в Бога, минуя духовника, а ведь известно, что воинствующая церковь борется за спасение души человека. Обе они – едины! Выходит, они отрицают святую церковь, а значит, высшую духовную власть. Это ли не святотатство, спрашиваю я вас, братья и сестры во Христе, это ли не значит – блуждать в потемках, впасть в ересь и поддаться дьявольскому соблазну?

Монах вытер пот со лба, выпил кружку воды, оглядел толпу. Некоторые уходили с площади, одни – гордо подняв голову, другие – опустив ее.

Монах закричал, указывая рукой:

– Смотрите, они уходят! Им не нравится моя проповедь, не иначе как это протестанты, впавшие в ересь!

Из толпы слышались глухие угрозы и злобные выкрики. Кое-кто, ухватив дубинки, бросились догонять уходящих.

Рядом с Лесдигьером лежал ящик с гнилыми овощами. Он уже протянул руку, чтобы запустить ими в монаха, но в толпе в это время закричали:

– Да нет же, это торговцы рыбой! Они проверят, как идут

дела, и вернутся!

– Говорите, святой отец! – крикнул один из несостоявшихся преследователей, бросая дубинку, по виду мясник. – Чего еще хотят гугеноты? Что нам делать с этой напастью?

– Гугеноты – бунтовщики как против светской, так и против духовной власти. В Германии эти безбожники отвергают индульгенции, оскорбляя тем самым таинство отпущения грехов, благословляемое самим папой. Лютеранская зараза перекинулась и во Францию, и те, что примкнули к богохульному учению, – я повторяю это еще раз, – отвергают поклонение иконам и мощам святых, утверждая, будто бы это обман с целью наживы, с намерением вытянуть у вас последнюю монету. Все это гнусная ложь, братья и сестры! Все священные реликвии ниспосланы нам с небес самим Господом и, с благословения самого папы, предназначены для показа вам, дабы вы воочию убедились в тщете и суетности всего мирского и прониклись бы божественной благодатью и предустановленностью существующих порядков, необходимости покорности и смирения.

Они требуют секуляризации церковных земель и самой церкви, но она есть и будет существовать благодаря вашим щедрым пожертвованиям, которые эти антихристы хотят присвоить. У них и без того набиты карманы золотом, они тянут руки еще и к вашим богатствам!

– Верно! – закричали в толпе. – Эти скопидомы трясутся за каждое су, ходят в лохмотьях, живут будто бы бедно...

– А сами побогаче любого из нас с вами, – слышался другой голос.

– Они вытесняют нас с наших рынков! – крикнул еще кто-то. – У них лучше идет торговля!

– Это потому, что им помогает сам сатана, – назидательно пояснил монах, – которому они молятся и который одобряет их еретическое учение. Вы спрашиваете, как вам с ними быть? Но ведь они скопидомы и накопители; насколько мне известно, между вами давно назревает вражда, они ваши конкуренты как в делах торговли и жизненном процветании, так и в деле накопления богатств. А как христианин поступает с конкурентом, если тот мешает ему в его делах? Он убирает его со своего пути, не забывая при этом очиститься от греха у своего духовного отца.

– Почитают ли гугеноты нашего короля и папу римского? – спросил кто-то из толпы.

– Эти богоотступники не почитают ни папу, ни нашего короля, власть которому, как известно, дана Богом. Всех монархов они считают душителями и тиранами!..

– Ты лжешь, монах! – слышался вдруг молодой звонкий голос, и вокруг Лесдигьера тут же образовался круг.

Люди в недоумении глядели то на него, то на монаха, который, очевидно, должен был подать какой-то сигнал к действию. Но монах молчал, раскрыв от изумления рот. Как смеет этот выскочка прекословить ему, богослову одного из коллежей Университета?! Возмущению его не было предела.

– Заткните рот этому молокососу, и пусть он убирается отсюда! – приказал он, обращаясь к толпе.

– Ты лжешь! – снова громко повторил Лесдигьер и, поскольку на площади царила тишина, продолжил: – Гугеноты не считают короля тираном, они почитают и уважают священную особу его величества так же, как и католики. Секуляризация церковных богатств нужна им не для того, чтобы залезть в чей-то карман, а лишь чтобы выбраться из нищеты, до которой довели их армии солдат, разграбивших и уничтоживших их владения на юге Франции во время итальянских войн. Они просили помощи у правительства, но им отказали. Потому якобы, что в казне нет денег. Вот откуда рост недовольства. Вот где надо искать корни непомерного роста налогов и секуляризации церковных земель. И ты знаешь о том, монах, но молчишь!

А что касается покорности и смирения, то мы против этого! Это удел рабов, но именно такими, темными, забитыми и безвольными вы, церковники, и мечтаете видеть свою паству! Свободный человек должен стремиться к знаниям и труду! Только своим трудом, верой в Бога и самого себя человек обретет спасение, которое зависит от Бога. Лишь Бог даст веру, и никакой духовник человеку не нужен. Это только лишний способ выкачивать деньги из народа. А что касается индульгенций и мощей святых, то все это простые выдумки с целью дурачить народ выгребать из его кармана последнюю монету, чтобы положить ее в свой собственный. Разве ты не

знаешь об этом, монах? Нет никаких мощей, и никогда не было, за них выдают обыкновенные человеческие кости, черепа, пепел, угли от костра, волосы покойника, гусиные перья и прочую чепуху. Цель одна – оболванить народ. Вся ваша церковь – сплошной обман!

– По-твоему, – закричал монах, страшно выпучив глаза, – человек может сам, без священника, разобраться в вопросах веры?

– Может! – громко ответил молодой человек.

– Как же он это сделает, если по природе своей грешен? Если еще при рождении в нем заложен изначальный грех?

– Для этого человека крестят в церкви.

– Кто? Священник?

– Для нас – пастор.

– Значит, ты не отрицаешь присутствие духовного лица?

– Да, но только при рождении.

– Вы слышите, добрые люди, речи этого одержимого? Он один из тех, кого называют этим дьявольским словом «гугеноты», кто нарушает божественный порядок мира и тем самым затрудняет истинным христианам путь к спасению души! Он пособник сатаны, слуга дьявола! А может быть, он и есть дьявол, вышедший из врат ада, дабы смутить ваши покой и разум и подорвать веру в Церковь и Бога?! – монах поднял высоко над головой распятие и возвел очи к небу, другой рукой прижимая к груди крест, висевший на цепи. – Да избавит нас Господь от сатаны, могущего принимать лю-

бые обличия! – воскликнул он.

Оглядев толпу и не опуская руку с распятием, монах громко закричал на всю площадь:

– Но Бог учит нас не поддаваться соблазнам и уничтожать слуг Вельзевула! – И он указал крестом на Лесдигьера: – Кто пустил на площадь этого Люцифера?! Это посланец антихриста, пособник сатаны, он оскорбил святую нашу мать-церковь, он надругался над ее святыней! Нет прощения безбожнику! На ваш суд полагаюсь, братья и сестры, уничтожьте скверну, ибо не будет вам иначе прощения ни на том свете, ни на этом! И да свершится, Господи, воля Твоя!

Лесдигьер понял, что погорячился. Не стоило так опрометчиво излагать свои взгляды на религию этой безумной толпе, разумом которой уже давно завладела церковь.

Но было уже поздно. Кольцо, окружающее его, стало медленно сжиматься. Угрожающе поднялись кверху дубинки, сверкнули ножи, звякнули цепи – все это молча и грозно надвигалось на юного гугенота, посмевавшего бросить вызов самому его святейшеству, самой римско-апостольской церкви!

– *Auferte malum ex vobis!*¹⁹ – кричал монах, потрясая в воздухе крестом. – *Anathema Maranatha*²⁰ приговариваю богохульника! *Fiat voluntas tua Deus!*²¹

Лесдигьер вынул шпагу из ножен и стал понемногу отсту-

¹⁹ «Исторгните зло из среды вашей!» (лат.).

²⁰ «Отлучению и проклятию» (лат.).

²¹ «Да будет воля Твоя, Господи!» (лат.).

пать к стене ближайшего дома, чтобы обеспечить безопасный тыл. При виде обнаженной холодной стали некоторые в первых рядах остановились, но на них сзади напирали, и они вынужденно двинулись вперед.

Лесдигьер быстро взмахнул шпагой, и несколько нападающих завопили, увидев свои окровавленные руки, ноги и плечи.

– Смерть ему! – закричал тот, кому досталось больше всех.

– Убить еретика! Убить его! – визжали женщины, стоявшие за спинами мужчин со скалками в руках.

Но Лесдигьер не собирался так дешево отдавать свою жизнь этим торговцам, которые с жирными оскаленными физиономиями, в грязных фартуках, с блестящими в руках тесаками для рубки рыбы и мяса все ближе подступали к нему.

– Глупцы! – воскликнул он. – Жалкие оболваненные бродяги... Неужто вы не понимаете, что прежде чем нанесете мне хоть один удар, я успею превратить в мясной фарш добрую половину из вас?! – Лесдигьер снова взмахнул шпагой, легко ранив еще нескольких человек.

Кольцо сжималось. Положение становилось угрожающим, надеяться на спасение не приходилось. Сейчас они все разом двинутся на него, и тогда ему конец. Он не успеет даже взмахнуть клинком, только воткнет его в чье-нибудь подвернувшееся под руку брюхо. Однако стать обладателем выпу-

ценных кишок никто, кажется, особо не торопился, и Лесдигьер понял это.

Вдруг один мясник с толстыми щеками пробасил:

– А вот сейчас посмотрим, как эта еретическая собака поборется с моим одеялом.

Он взял в обе руки толстое красное выдавшее виды одеяло, развернул его во всю ширь и пошел прямо на Лесдигьера, выставившего вперед шпагу. Молодой гугенот сразу же трезво оценил обстановку и понял, что против такого щита его клинок будет бессилен, стоит лишь мяснику бросить это одеяло ему на руку. Так, вероятно, все и произошло бы и эта минута стала бы последней в жизни Лесдигьера, если бы не случилось непредвиденное. Внезапно за его спиной отворилась дверь, и из дома с криками: «Смерть гугеноту!» выскочил хозяин с подмастерьем, оба с железными прутьями в руках. Всего на секунду внимание толпы переключилось на них, однако этого оказалось достаточно, чтобы Лесдигьер принял решение. Он описал шпагой широкий полукруг слева от себя, расчищая путь туда, где красное одеяло не могло его достать, и ринулся в небольшую брешь, образовавшуюся в невольнo расступившейся на мгновение толпе. Ему удалось благополучно миновать ее. Теперь оставалось только одно – бежать со всех ног по переулку.

Маневр вполне удался. Растерявшиеся на миг горожане разочарованно завопили, глядя вслед ускользящей из-под носа жертве. Вдруг какой-то торговец, размахнувшись, бро-

сил вдогонку юноше короткое толстое полено. Оно больно ударило беглеца под коленями – Лесдигьер покачнулся и упал. Толпа, радостно улюлюкая, бросилась на него, лишив возможности подняться. На бедного гугенота со всех сторон посыпались удары черпаков, скалок, дубинок и кулаков. Под градом этих ударов силы начали оставлять юношу. Лесдигьер не мог пошевелить ни ногой, ни рукой, а шпага валялась теперь на мостовой рядом с ним, совершенно бесполезная. Еще минута, и с нашим героем навсегда было бы покончено, если бы не раздавшийся вдруг поблизости громкий собачий лай.

Глава 3. О пользе собак

На секунду все замерли. И в это мгновение огромный коричневый пес бросился в самую гущу свалки и принялся рвать зубами негодяев, посмеявших напасть на его хозяина. Теперь удары, предназначавшиеся юноше, посыпались на него, но пес ловко уворачивался и продолжал терзать всех, кто находился близ Ледисгьера. На помощь Брюну неожиданно пришла большая пегая овчарка. Она тут же свалила с ног одного из нападавших, после чего сразу бросилась на другого и вцепилась тому в ляжку. Брюн в это время уже изувечил троих фанатиков, а одного даже придушил. Морда пса была вся в крови, он встал, попирая передними лапами труп своего врага. Шерсть его оцетинилась, и налитыми бе-

шенством глазами он начал выискивать новую жертву.

Толстый мясник попытался было набросить на пса красное одеяло, чтобы потом забить его дубиной, но Брюн вновь ловко увернулся и, оскалив пасть, одним прыжком достал толстяка. Тот упал и принялся размахивать руками, тщетно пытаясь скинуть с себя обезумевшую псину. Брюн вцепился в одну из рук зубами, и мясник взвыл от боли. Тем временем пегая овчарка опрокинула навзничь следующую жертву.

Известно, что стая, потеряв вожака, на какое-то время цепенеет. То же произошло и здесь: горожане, увидев мясника-предводителя поверженным, в нерешительности, смешанной со страхом, отступили, стоя поодаль, и с ужасом взирали на двух злобно лающих и рычащих на них собак, за которыми, как за спасительным щитом, лежал на булыжниках раненый протестант.

Лесдигьер тем временем поднял голову и осмотрелся. Он сразу понял, что произошло. И хотя тело нещадно ныло от побоев, он сумел подобрать свою шпагу и подняться. Никто более не решался к нему приблизиться, опасаясь оказаться растерзанным двумя грозными стражами юного гугенота.

– Сам дьявол помогает еретикам, посылая им на подмогу своих чудовищ! – в страхе шипели озверевшие католики, крестясь и ретируясь с поля боя.

Сражение окончилось победой Лесдигьера. Он наскоро оправился, вытер кровь, струящуюся по подбородку, шее и руке, и позвал:

– Брюн!

Пес, тотчас перестав скалить зубы, покорно подошел к хозяину и потерся носом о его колено. Овчарка тоже сделала попытку приблизиться, но в двух шагах от Лесдигьера остановилась, села на задние лапы и уставилась на него, переводя время от времени взгляд на своего «кавалера». Юноша потрепал Брюна по голове, и пес завилял хвостом, радостно принимая от хозяина знак благодарности. Потом повернулся к подружке и коротко пролаял. Видимо, на собачьем языке это означало приглашение, ибо овчарка немедленно подошла и уселась у другой ноги Лесдигьера, взирая на него снизу вверх преданными глазами.

– Спасибо вам, друзья мои, – проговорил Лесдигьер и прижался щекой сначала к одной, а потом к другой собачьей морде. – Вы спасли мне жизнь, и я никогда не забуду этого... Мое знакомство с Парижем состоялось и, признаться, не особо меня порадовало. Гугенотов здесь явно не любят. Единственное, кажется, в чем мне повезло, так это в дружбе с вами – двумя чудесными собаками, которым, к счастью, совершенно наплевать на чьи-либо религиозные настроения. Вы ведь с одинаковым успехом способны вцепиться в ляжку хоть папы римского, хоть принца Конде²², не так ли? Однако нам надо уходить отсюда: эти остолопы могут вернуться

²² Конде, принц Людовик де Бурбон (1530–1572) – родной брат короля Антуана Наваррского и кардинала Карла Бурбонского. Звался Людовиком XIII, ибо католики обвиняли его в претензиях на корону. Дядя Генриха Наваррского. С 1562 г. – глава протестантов.

с подкреплением.

Лесдигьер круто развернулся, собираясь отправиться в путь, но вдруг застонал и опустился на колени: все его тело, пронзенное будто тысячей острых шипов, натужно заныло от боли. Однако он понимал, что оставаться здесь равносильно самоубийству, поэтому, преодолевая боль, поднялся и медленно двинулся вперед, хромая и поминутно оглядываясь из опасения возможного преследования.

Когда он дошел до дворца Пресьер, из двухэтажного дома с мансардой, прилепившегося одной своей стеной к каменной ограде дворца, выбежала вдруг молодая женщина, судя по одежде – прислуга. Схватив Лесдигьера за руку, она буквально силой втащила его в дом и плотно затворила за собой дверь.

От удивления юный гугенот не мог вымолвить ни слова, но, опережая его вопросы, служанка затараторила сама:

– Вы – гугенот, я сразу догадалась. Эти лавочники никогда бы не напали на вас, будь вы католиком. Боже, во что они превратили вашу одежду! Воротник болтается на одной тесемке, берет потерян, штаны в грязи, колет порван... Чего вы такого натворили, что они столь агрессивно взелись на вас и так отделали?

Лесдигьер рассеянно оглядел место, в коем волей случая очутился. Он стоял на дощатом полу близ лестницы, ведущей вверх. Рядом – невысокая резная дверь, украшенная поверху кружевами и скрытая наполовину красной драпи-

ровкой. Над окном цветного стекла – широкий резной наличник с изображениями святых. Ничего не понимая (да особо к тому и не стремясь), Лесдигьер перевел взгляд на женщину, взволнованно теребящую в руке канделябр и явно ожидающую ответа на свой вопрос.

– Мы повздорили из-за религиозных разногласий, – вымученно улыбнулся он.

– Видимо, именно поэтому они и распознали в вас протестанта?

Лесдигьер вкратце поведал любопытной служанке о своем споре с монахом-проповедником и обо всем, что за этим последовало.

– Вы поступили весьма неосмотрительно, – заметила горничная. – Париж с недавнего времени не прощает гугенотам подобные выходки. Благодарите судьбу, что вообще живы остались...

– А кто вы? – полюбопытствовал, в свою очередь, Лесдигьер. – И почему столь живо интересуетесь подробностями случившегося?

– Успокойтесь, мсье! Просто я такая же протестантка, как и вы. А признаюсь вам в этом лишь потому, что испытываю к вам доверие...

– Доверие? Ко мне? Но вы же меня совсем не знаете!

– Однако я все видела. Моя хозяйка, услышав поднявшийся на площади шум, приказала мне выяснить, в чем дело. Я выглянула в окно и... Картина, словом, была ужасная. Я ви-

дела, мсье, и как вы пытались убежать от этих мерзавцев, и как они настигли вас и сбили с ног, и как потом на помощь к вам прибежали невесты откуда взявшиеся две собаки...

Лесдигьер вздрогнул и торопливо развернулся к выходу.

— О Бог мой, я оставил их на улице! — тревожно воскликнул он. — Они же наверняка ждут меня, а если их обнаружат эти сумасшедшие, то сразу догадаются, где я! И тогда несдобровать ни моим собакам, ни мне, ни вашему дому...

— Я как раз собиралась поговорить с вами об этом, — задержала юношу служанка, — но, кажется, хозяйка сама намерена вам все объяснить. Видите, она уже спускается сюда, — с этими словами служанка упорхнула в одну из комнат.

Лесдигьер бросил взгляд в сторону лестницы. По ступенькам и впрямь спускалась дворянского облика особа лет двадцати-двадцати двух в строгом, с наглухо застегнутым (согласно испанской моде) воротом платье. Шею дамы украшали белые брыжи, на плечи был накинут голубой кашемировый плащ, вытканый узорами, а пышную прическу венчал розовый головной убор со страусиными перьями и аграфом. В зеленых глазах светилось любопытство. Чуть вздернутый носик, легкая улыбка на тонких губах. Не дама, а воплощенное достоинство. Такой увидел хозяйку дома юный провинциал.

— Так вот он каков, возмутитель спокойствия, — с улыбкой, обнажившей ровные белые зубы, произнесла женщина на идеальном французском, чем тотчас опровергла предпо-

ложение юноши о ее испанском происхождении.

– Прошу прощения, сударыня, что вынужден предстать пред вами в столь ужасном виде, – поприветствовал Лесдигьер хозяйку поклоном, давшимися ему с большим трудом, – но, видит Бог, в схватке, поспособствовавшей этому, силы были слишком неравны. Иначе мне не пришлось бы краснеть за свой непривлекательный наряд перед столь прекрасной дамой.

Это была первая женщина благородного происхождения, которую он увидел и с которой заговорил с тех пор, как покинул отцовский дом.

– Не надо оправдываться, мсье, – ответила незнакомка. – Мне уже обо всем хорошо известно.

– О, если бы я имел возможность отомстить за свое позорное унижение...

– Об этом нечего и думать, – перебила его дама. – Прежде вам надо укрыться в другом месте, хотя бы на время. Вы не должны больше появляться на этой улице, иначе они вас узнают и тогда уже непременно убьют.

– Что же мне делать? – спросил Лесдигьер.

– Не беспокойтесь, я обо всем подумала, – заверила его незнакомка. Теперь они стояли на одной площадке и с любопытством рассматривали друг друга. – В доме моей подруги... или, вернее, в доме особы, которую я очень хорошо знаю, вы будете в безопасности.

– Чей же это дом?

– Весьма высокопоставленной особы, смею вас заверить.

Лесдигьер вспомнил вдруг предсказание цыганки.

– А кто она? Уж не королева ли?

– Нет.

– Кто же?

– Мсье очень любопытен.

– Разве в Париже это считается пороком?

Дама одарила его игривым взглядом и засмеялась:

– Ее зовут Диана де Франс.

Лесдигьер непонимающе похлопал глазами и, поскольку названное имя ничего ему не говорило, не удержался от очередного вопроса:

– А кто она?

Незнакомка удивленно вскинула брови:

– Сударь, вы что, с Луны свалились?

– Нет, мадам, не с Луны, – устало произнес Лесдигьер, перенеся тяжесть тела на перила лестницы. – Я прибыл с юга. В Париже впервые, добрался только сегодня...

– Вот как... И вы не придумали ничего умнее, сударь, как затеять на площади города, куда прибыли впервые в жизни, ссору с незнакомыми людьми?

– Всему виной проклятый монах с его лживой проповедью.

– Защищающей папистов, надо полагать?

– Я думаю, ни один монах Парижа не станет читать проповедей в пользу протестантов.

– Выходит, мсье, вы гугенот?

– Да, мадам. Но если вы отдадите меня на растерзание этой озверелой толпе, я с радостью приму мученическую смерть, ибо она будет исходить от вас.

– Успокойтесь, никто не собирается причинять вам зла. Во всяком случае, вы не будете первым, кого предаст единоверец этих лавочников, тем более, что это – женщина.

– О, сударыня, значит, вы – католичка, спасшая гугенота и предавшая тем самым своих братьев по вере? – воскликнул в изумлении Лесдигьер.

Прекрасная незнакомка приложила палец к губам:

– Тс-с... Не надо столь громко выражать обуревающие вас чувства, в наше время это небезопасно. Наша вера не запрещает нам оказывать помощь попавшему в беду человеку, не спрашивая о его истинном вероисповедании. Будем считать, что мне это неизвестно, и да простит мне Господь этот грех.

– Охотно простит, сударыня, ведь одна из Его заповедей гласит: «Возлюби ближнего, как самого себя».

– «Пусть даже он твой враг, – прибавила дама, – но он тот, кто нуждается в тебе». Жаль, что наши монахи в своих проповедях пренебрегают этой заповедью Христа.

– О, мадам, я совсем потерял голову, простите меня! – пылко воскликнул Лесдигьер. – Но поверьте, в вашем обществе я чувствую себя во сто крат сильнее и готов выдержать натиск хоть десяти парижских площадей!

Дама многообещающе улыбнулась:

– Я думаю, мне представится возможность испытать вашу храбрость на деле, мсье, и конечно же не в глупой стычке с толпой полубезумных фанатиков.

– Приказывайте, сударыня, для вас я готов на все!

– Прежде всего снимите ваш колет: его вид может вызвать вначале удивление, а потом подозрение. Розита! – Показалась служанка. – Подшей колет мсье, и живо! Но сначала открой дверь ипусти собак.

Служанка отодвинула засов, и Лесдигьер кликнул Брюна. Пес вбежал в дом тотчас же, а его подруга нерешительно топталась, подозрительно поглядывая на обеих женщин. Однако, подбадриваемая дружкой и его хозяином, в конце концов тоже переступила порог.

– Признаться, ваш поступок был отчаянным и смелым, мсье, – произнесла незнакомка, когда служанка закрыла дверь. – Думаю, он послужит вам отличной рекомендацией перед герцогом де Монморанси. Сам он католик, но сочувствует кальвинистам и не переходит в протестантскую веру лишь потому, что это пойдет вразрез с интересами двора. Такова ориентация большинства католиков Франции. Герцог же скорее «политик», так стали называть умеренных. К вопросам религии относится, я бы сказала, хладнокровно, нежели терпимо. Благосостояние Франции для него превыше всего.

– Но при чем здесь Монморанси? Ведь вы говорили, помнится, о какой-то даме...

– Эта дама – его жена. А теперь скажите, способны ли вы проделать небольшой путь?.. Сейчас?.. Со мной?..

– Приказывайте, сударыня.

– Быть может, вам лучше отдохнуть здесь? А потом, когда вы подлечите свои раны, мы отправимся в дом герцога.

Поначалу Лесдигьер хотел было так сделать, ибо чувствовал себя неважно, да и перспектива остаться в доме прекрасной незнакомки его вполне устраивала, но мысль, что его посчитают слабым и немощным из-за пустячной потасовки с какими-то лавочниками, смутила его, и он ответил:

– О мадам, я вовсе не желаю навлечь на ваш дом гнев этого сброда. А мне не хотелось бы оказаться столь неблагодарным. Посему я готов следовать за вами слепо туда, куда вам будет угодно меня повести.

– И вы не пожалеете, что не остались здесь? – с улыбкой спросила прекрасная дама, поглаживая перила лестницы, от которых юный провинциал не отходил ни на шаг.

Лесдигьер понял намек и решительно сказал, отходя от перил:

– Нет, мадам, клянусь вам, я чувствую себя прекрасно.

– Хорошо, мсье, тогда надевайте ваш колет и пойдемте отсюда поскорее, а по дороге я вам все объясню. Эти торговцы действительно слепые фанатики, все они рьяные католики; за сказанное против папы слово они готовы вцепиться вам в горло.

– Они здорово одурачены церковниками, – проговорил

Лесдигьер, но вовремя спохватился: – Ах, простите меня, я совсем забыл, что вы исповедуете их веру.

– Не будем дискутировать на эту тему, мсье, – сухо сказала незнакомка и заторопилась: – Пойдемте же, не стоит терять время.

Они прошли через дом и вышли в другую дверь, на улицу Шанварери. Однако тут подружка Брюна заупрямилась и ни за что не захотела идти дальше. Пес подошел к подруге, лизнул ее в нос, несколько раз пролаял и побежал вслед за Лесдигьером.

Тем временем дама и ее спутник миновали улицу Шанварери, свернули налево, потом направо и очутились на улице Сен-Маглуар, прямо против церкви Сен-Жиль.

– Могу я спросить, куда вы ведете меня, сударыня? – поинтересовался Лесдигьер.

– На улицу Монморанси. Там и живут принцесса Диана Ангулемская и ее муж герцог Франсуа. Ну вот, теперь, когда мы свернули за угол, можно вздохнуть свободнее. Здесь всегда малоллюдно... Вы не откажетесь, надеюсь, назвать ваше имя, мсье?

– Конечно, нет. Я Франсуа де Лесдигьер. А как зовут вас?

– Я баронесса Камилла де Савуази.

– Так вы ведете меня в дом к герцогу Монморанси?

– Вас что-то смущает?

– Вовсе нет. Мне приходилось слышать о нем. Отец рассказывал, как он воевал под командованием герцога в Ита-

лии. Его отец – коннетабль Монморанси.

– Да, тот самый, что отнял всю славу военных походов у герцога де Гиза и присвоил себе. Впрочем, не без участия всем известной герцогини де Валантинуа.

– Дианы де Пуатье?²³

– Вот именно. Хорошо, что ее уже нет. Мадам Екатерина сослала ее куда-то – и поделом. Муж умер, власть перешла в руки жены, а не любовницы. Так вот, о коннетабле. Еще в прошлом году он был в опале, и царствовали Гизы, но после смерти Франциска королева-мать, не без оснований опасаясь их усиления, удалила их от себя, впрочем, по-видимому, ненадолго, и приблизила к себе Бурбонов и Шатильонов, а заодно и опального коннетабля. Он теперь стар и не имеет былого влияния, но его сыновья стали необычайно популярны и пользуются особым расположением вдовствующей королевы. Так что вам повезло, мсье, что вы именно меня встретили на своем пути. Я введу вас в дом, которому вы, если пожелаете, сможете служить.

– О мадам, это превосходит мои самые заветные желания, и отныне я буду думать только о том, как мне отблагодарить вас.

– Уверена, у вас появится такая возможность.

– А вы? Простите, но какое отношение имеете вы, мадам,

²³ Диана де Пуатье (1499–1566) – фаворитка короля Генриха II, фактическая правительница государства, двоюродная сестра Екатерины Медичи. Ее отец приходился кузеном Мадлен де ла Тур, матери Екатерины.

к семейству Монморанси?

– Я просто очень хорошая подруга мадам де Кастро. Когда ей было плохо после смерти отца, я первая подала ей руку помощи и утешила в горе.

– Кто такая мадам де Кастро? И о чьем отце вы говорите? – вконец растерялся Лесдигьер.

Тем временем они свернули на Медвежью улицу и направились в сторону Тампля, высокие шпили которого уже были видны невдалеке.

– Диана де Кастро, – продолжила Камилла де Савуази, – внебрачная дочь короля Генриха II.

– Того самого, что погиб на турнире?

– Именно, мсье.

– Ого, выходит, она самая настоящая принцесса!

– Да, принцесса без королевства. Кстати, ее мать – Диана де Пуатье. Так, во всяком случае, говорят.

– Вот как! Значит, она еще и дочь всесильной герцогини?

– Бывшей всесильной. Теперь она постарела и, по-моему, даже не помнит, что у нее есть дочь. Впрочем, она и раньше не особенно ее привечала. Только отец любил Диану, больше никто. Думается, она была нежелательным ребенком, потому мадам де Пуатье и отправила ее в монастырь, где она и провела свои лучшие годы.

– А почему де Кастро? Кажется, это не французская фамилия.

– Ее первым мужем был герцог де Кастро, испанец. Она

была тогда совсем еще ребенком.

– Где же он теперь?

– Погиб при Эдене. Теперь ее полное имя – принцесса Французская герцогиня Ангулемская де Монморанси. А сейчас расскажите мне о себе, мсье Франсуа, должна ведь я хоть что-то знать про вас; думается мне, эта встреча не будет для нас последней.

И баронесса многообещающе улыбнулась.

– Охотно, мадам, ведь, в сущности, мне нечего скрывать ни от вас, ни от кого бы то ни было.

И Лесдигьер рассказал ей все о себе и своей семье, про то, как она пострадала во время войн, как он покинул отцовский дом и пришел в Париж, оставив отца на попечение эконома.

Когда он заканчивал рассказ, они уже стояли на улице Монморанси спиной к монастырю кармелиток.

– Почему мы остановились? – спросил Лесдигьер.

– Потому что мы пришли, – ответила баронесса.

К ним вышел офицер дворцовой стражи. Узнав Камиллу, он тут же впустил обоих. Через минуту-другую юный протестант уже сидел в кресле в большом красивом зале; в таких он не бывал никогда в жизни.

На окнах тяжелые портьеры из красного и синего бархата; зал украшала резная и инкрустированная мебель работы итальянских мастеров раннего Возрождения; на полу – великолепные арабские ковры; возле одной из стен – камин, в котором потрескивали дрова; в центре зала стояли стол,

обитый зеленым сукном, и несколько резных стульев вокруг него; повсюду статуэтки работы Челлини²⁴ и Палисси²⁵, на стенах красовались фламандские гобелены с изображениями сцен охоты и картины Санти²⁶, Приматиччо²⁷ и Клуэ²⁸; на столе в золоченых переплетах книги Аретино²⁹ и Рабле³⁰.

Не успел Лесдигьер насладиться всем этим великолепием, как в зал вошла дама лет двадцати двух, а за ней следовала баронесса де Савуази.

Диана оказалась красивой женщиной среднего роста в великолепном платье из белого атласа. В ее высоко взбитых волосах прятался светло-зеленый убор, расшитый золотом; из-за локонов блестящих волос с любопытством выглядывали по обеим сторонам головы крепившиеся к нему белые про-

²⁴ Челлини Бенвенуто (1500–1571) – итальянский скульптор и ювелир, работал одно время при дворе Франциска I.

²⁵ Палисси Бернар (ок. 1510–1590) – французский художник, создатель керамических произведений, искусный живописец на стекле. Знал много секретов изготовления фаянсовой посуды.

²⁶ Санти Рафаэль (1483–1520) – великий итальянский художник эпохи Возрождения. Его кисти принадлежит «Сикстинская Мадонна», галерея портретов знаменитых людей и др.

²⁷ Приматиччо (1504–1570) – знаменитый итальянский художник, скульптор и архитектор, работал при дворе Франциска I, где прожил 8 лет. Строил замки в Блуа и Фонтенбло.

²⁸ Клуэ Франсуа (1515–1572) – придворный художник французских королей.

²⁹ Аретино Пьетро (1492–1556) – итальянский писатель, поэт, драматург. Автор сатирических и гневных памфлетов против королей и пап.

³⁰ Рабле Франсуа (1494–1553) – французский писатель-гуманист, автор сатирического романа «Гаргантюа и Пантагрюэль».

зрачные кружева. Со лба, спрятанные в прическе, устремлялись вверх три невысоких страусиных пера белого цвета, трепетавшие от малейшего дуновения. На шее ее сияло жемчужное ожерелье, в ушах блестели золотые серьги, на руках красовались браслеты и кольца с вкрапленными в них рубинами и сапфирами. Диана вернулась только что из Лувра, где королева-мать вместе с Антуаном Бурбонским принимала испанских послов и папского легата.

Едва она вошла, как по всему залу распространился аромат духов и всевозможных благовоний. Наш юный герой глубоко вдохнул, и ему показалось, что он находится в одной из лучших в мире цветочных оранжерей. Он был сражен. Лесдигьер давно хотел сказать Камилле, как она красива, и признаться, что ему еще не доводилось видеть таких прекрасных дам, но тут у него и вовсе отнялся язык. Перед ним была не дочь Генриха II, перед ним стояла королева! Так, во всяком случае, он подумал, глядя на нее.

Два года тому назад эта женщина вышла замуж за сына Анна де Монморанси³¹, Франциска. Коннетаблю нужно было породниться с королевским семейством, чтобы создать противовес Гизам, выдавшим свою внучку Марию Стюарт³² за

³¹ Монморанси, Анн де (1493–1567) – виднейший представитель рода французских баронов VI в. Коннетабль, пэр Франции, могущественный феодал, первый советник короля Карла IX. Был женат на Мадлене Савойской, от брака с которой имел четырех сыновей.

³² Мария Стюарт (1542–1587) – дочь шотландской королевы Марии де Гиз, сестры братьев де Гиз; королева Шотландии в 1560–1567 гг. Королева Франции

ныне покойного короля Франциска. И он сделал все для того, чтобы расторгнуть брак своего сына с некой Жанной де Пьенн, в котором не было ничего, кроме любви, и женить его на внебрачной дочери Генриха II, которую называли еще «мадам Бастард». В этом браке, напротив, было все кроме любви.

Но, вопреки всему, женщина умная и образованная, наделенная многими достоинствами, Диана сумела-таки покорить мужа, и его сердце понемногу оттаяло. Теперь, если они и не любили безумно друг друга, то, во всяком случае, никогда не бранились, были дружны и довольны тем, что все так обернулось. Франциск, не забывший, однако, о своей первой жене, тем не менее был счастлив вторым браком и трепетал от гордости и счастья, когда, проходя по коридорам Лувра под руку с красавицей женой, видел устремленные на них завистливые взгляды не только придворных, но и знатных вельмож из числа принцев королевской крови.

Диана же была довольна тем, что ее муж уже покрыл себя славой многочисленных военных побед, и это вызывало у окружающих восторженные взгляды и уважительные разговоры о нем. К тому же он был высок ростом, широк в плечах, красив, статен, смел, горд и самолюбив. Всех этих качеств хватило бы на десятерых мужей, но достались они ему одному, и Диана уже ни о чем не жалела, считая, что ее жизнь

1559–1560 гг. Притязала на английский престол и была заключена в тюрьму своей царственной теткой Елизаветой I, где пробыла 18 лет.

устроилась как нельзя лучше, несмотря на то, что Франциск временами изменял ей, о чем она прекрасно знала.

Ходили упорные слухи, что она была дочерью короля Генриха и Дианы де Пуатье. Она и сама так думала, пока однажды в замке Анэ бывшая фаворитка перед смертью не призналась Диане, что ее матерью является некая Филиппа Дучи, с которой Генрих II, тогда еще герцог Орлеанский, имел любовную связь в Пьемонте в 1537 году.

Диана сыграла заметную роль в конце гражданских войн, поспособствовав заключению союза последнего Валуа с первым Бурбоном. Теперь же поддерживала своего мужа, стремившегося к примирению католиков с гугенотами.

Лесдигьер порывисто поднялся с кресла и поклонился хозяйке дома. Она в ответ грациозно и с достоинством наклонила голову.

– Прошу простить меня, сударыня, за столь неожиданное вторжение в ваши владения, – заговорил Лесдигьер первым, хотя не должен был этого делать в присутствии принцессы, чем и вызвал снисходительные улыбки обеих женщин, – но, видит Бог, виной тому весьма необычные обстоятельства... Я бы сказал, приключение, случившееся со мной в вашем городе на одной из площадей...

– Мне уже известна ваша история, шевалье, – мягким грудным голосом проговорила Диана, улыбаясь. – Мне очень жаль, что вам так не повезло, но впредь, я думаю, вы будете более осторожны в душеспасительных беседах с пари-

жанами. Сейчас очень беспокойные времена, мсье, каждый житель должен совершенно точно уяснить для себя, как ему держаться в этой тревожной обстановке и как себя вести. Язык хорош тогда, когда приносит пользу или, во всяком случае, не вредит, и плох, если из-за него может пострадать шея. Понимаете ли вы меня, мсье?

– О да, мадам, – ответил с поклоном Лесдигьер.

– Впредь вы будете осторожны, не правда ли? Вам придется поблагодарить госпожу баронессу. Вам пришлось бы очень туго, если бы вы еще задержались на улице Проповедников. Говорят, горожане уже рыскают по всему кварталу в поисках какого-то гугенота с двумя собаками, и у них с собой аркебузы.

– Бог мой, они ищут меня!

– Я в этом не сомневаюсь.

– Что же делать? А если они ворвутся сюда?

Герцогиня рассмеялась. Они с баронессой переглянулись, и Диана проговорила:

– Известно ли вам, мсье, в чей дом вы попали?

– О да, мадам.

– Так вот, запомните: войти в этот дом имеет право только король Франции.

Лесдигьер растерянно захлопал глазами:

– Король!..

– И мой муж, разумеется.

– Прошу простить меня, мадам, теперь я буду твердо пом-

нить об этом.

— А также о том, что отныне вы будете служить этому дому и состоять в свите герцога де Монморанси. Полагаю, вы не будете против этого возражать, ведь вы приехали в Париж, я думаю, не затем, чтобы устраивать потасовки на его улицах?

— О мадам, как мне благодарить вас? О большем счастье я не мог и мечтать! Клянусь вам спасением своей души, преданнее человека вам не найти! Отныне я ваш слуга, а вы — моя повелительница.

— Вот и отлично. Я отдам в отношении вас все необходимые распоряжения. Вам выделяют отдельную комнату, вы будете одеваться, как надлежит дворянину, служащему благородному семейству. Как только вернется маршал, я представлю вас ему.

— Благодарю, мадам.

— Было бы правильнее величать меня моим титулом.

— Хорошо, ваша светлость.

— Вашу собаку покормят, за ней отныне будет надлежащий уход и присмотр.

Лесдигьер поклонился, приложив ладонь к груди:

— Я рад за Брюна, ведь я только что сам хотел просить вас об этом.

— Бертранда! — позвала герцогиня.

В дверном проеме из-за портьеры показалась круглая физиономия камеристки.

— Я слушаю, мадам.

– Бертранда, поручаю вашим заботам господина шевалье. Немедленно разыщите лекаря: шевалье нужен врачебный уход. Покажите шевалье его апартаменты и позаботьтесь о нем. Он ни в чем не должен испытывать неудобства, вам понятно?

– Слушаюсь, мадам.

– Итак, мсье Лесдигьер, с этого дня вы вступаете в должность телохранителя в свиту герцога де Монморанси, но иногда будете нужны и мне, помните об этом. Бертранда позаботится о вашем быте, а обо всем остальном вы поговорите с самим герцогом.

– Благодарю, ваша светлость.

– Теперь можете идти.

И Лесдигьер, удивляясь в душе столь неожиданному повороту судьбы и не догадываясь, что всецело обязан этим баронессе, которой он приглянулся, покорно последовал за служанкой. Он шагал по полу, выстланному не виданной доселе мозаичной плиткой, и с восхищением рассматривал внутреннее убранство дворца, великолепие которого до этого могло ему только присниться.

Обе женщины – одна с интересом, другая с оттенком вожделенного любопытства – с улыбками глядели юноше вслед, не подозревая еще, что из этого зала только что вышел будущий маршал, а впоследствии – коннетабль Франции. И что настанет день, когда гордая королевская дочь Диана Французская, герцогиня де Монморанси будет стоять на

коленях перед коннетаблем Франсуа де Лесдигьером и целовать ему руку.

* * *

Встреча в Пуасси закончилась ничем. Стороны не пришли к соглашению, никто не захотел идти на уступки. Однако появилась надежда, что правительство, проводя гибкую политику и не желая раздоров внутри нации, издаст новый эдикт о веротерпимости, тем более что и сама Екатерина Медичи склонялась к позиции реформистов.

Часть вторая. Политика или религия

Глава 1. Две королевы

Зимой 1562 года по дороге, ведущей в Сен-Жермен-ле-Во, катила карета в сопровождении всадников. В окно то и дело выглядывал девятилетний мальчуган с любопытными глазками и длинным носом; в глубине кареты на красном фоне обивки четко выделялся строгий, непроницаемый женский профиль. Слегка вытянутое лицо, маленький рот с тонкими губами, карие глаза, острый взгляд и крутые брови, на чуть впалых щеках играл легкий румянец – такова королева Наварры³³ Жанна д'Альбре. Мальчик – принц Генрих Наваррский, ее сын.

– Совсем не так, как у нас, – разочарованно протянул юный отпрыск Бурбонов, отворачиваясь от окошка. – Никаких гор, одни долины.

Он посмотрел на мать. Она молчала, что-то обдумывая и, чтобы принудить ее к разговору, Генрих добавил:

– И люди, наверное, другие.

Она, строго взглянув на него, обронила:

– Особенно при дворе.

Мальчик приготовился слушать ее объяснения по этому

³³ Наварра – маленькое королевство на границе Франции и Испании.

поводу, но мать не пожелала добавить больше ничего.

Юный принц вздохнул:

– Мама, а мы увидим отца?

Она покачала головой:

– Вряд ли, ведь он все время в походах. Он генерал, и его обязанность быть там, где войско.

– С кем же он воюет?

– С врагами веры.

– С протестантами?

– Ведь он теперь католик. Гугенотская осень закончилась, теперь они начали искоренять нашу веру, и орудием для этого выбрали твоего отца.

– Гугенотская осень?

Мать повернулась к сыну:

– Я буду разговаривать с тобой, как со взрослым, если ты не возражаешь.

Генрих гордо вскинул голову:

– Я уже не дитя, и мне быть королем. Не думай, что у меня одни девчонки на уме.

– Да, ты уже не дитя, – задумчиво проговорила Жанна, сдвинув брови, – и ты должен знать... Мало ли что может со мной случиться, мы не на бал едем. Кроме меня, тебе не скажет никто, даже твой отец.

– Я буду внимательно слушать тебя, мама.

– Все началось после Пуасси, ты ведь помнишь. Мадам Екатерина на радостях, что с моей помощью сумеет поми-

риться с протестантами, даже вернула Колиньи в Королевский совет, а с Конде заигрывала и строила ему глазки, словно собиралась стать его любовницей. Надо признаться, у нее это здорово получалось.

– Как, разве она полюбила его?

– Куда там! Конде не такой дурак, чтобы пропадать в объятиях сорокалетней толстухи и забыть при этом о своих братьях по вере. Я о другом. Екатерина вознамерилась обратиться к двору и даже членов своего семейства в протестантство. Она даже открыла часовню для проповедей, и сама с упоением слушала адмирала в Фонтенбло. Мало того, мадам надумала при помощи Теодора де Беза обратить в новую веру самого короля. А повсюду в городах с ее легкой руки разрешались открытые проповеди нового учения.

Мать замолчала, и Генрих увидел задумчивую улыбку на ее губах.

– Что же изменилось с тех пор? – спросил он. – Она разочаровалась или ее заставили изменить свои взгляды?

– Заставили.

– Кто же?

– Папский легат, который обрушился с гневными выпадами против нового вероучения, и испанский посол, который пристыдил королеву и дал понять твоему отцу, что ему вернут испанскую Наварру и области в Италии, если он самым решительным образом воспротивится существующему порядку и начнет искоренять ересь, начав с запрещения каль-

винизма. Глупец, он вообразил себе, что они искренни с ним.

– А разве это не так?

– Разумеется. Они заманили его в ловушку.

– И он согласился?

– Надо думать, что так. Хотя, Бог свидетель, как не хотелось бы мне его видеть и выглядеть посмешищем всего двора.

– Почему же? Ведь ты королева! Кто посмеет тебя обидеть?

– Ты не понимаешь? – она обернулась к сыну, с любовью поглядела на него и покачала головой. – У него нынче слишком много любовниц, готовых в любой момент продать себя за право обладать сердцем первого принца крови и парижского наместника короля. Последняя из них – Луиза де Ла Беродьер; мне пишут, что она беременна от него. Этого еще не хватало – чтобы ты делил свою власть с бастардом.

– Выходит, мама, теперь все вернулось в прежнее русло? Католики снова торжествуют победу, как тогда, в Амбуазе?

– Да, сын мой, Екатерина твердо вознамерилась пресечь беспорядки, которые она допустила. Говорят, она готовится призвать ко двору Гизов. А с твоим отцом у нас давно уже разногласия, начиная с того дня, как он перешел в католичество, потом стал изменять мне и закончил тем, что и меня принуждал отречься от новой веры.

– Наш отец – вероотступник, – произнес Генрих, глядя

себе под ноги. – Как Бог мог допустить такое? Ах, мама, – и принц прижал руку матери к своей груди, – никого на свете у меня нет дороже тебя!

Она со счастливой улыбкой поцеловала его в лоб:

– Я не удивлюсь, если он обрадуется вести о моей кончине. Кажется, в своем стремлении пользоваться милостями двора и иметь неограниченную власть он не остановится даже перед тем, чтобы заполучить выгодную партию, породнившись с одним из влиятельных католических семейств. Эти планы я и хочу узнать, либо от него, либо от самой Екатерины. Но она хитрая лиса, и я должна перехитрить ее. Зато я поставлю вопрос о расширении границ моего королевства. Мне тесно на моем клочке земли.

– А она богата? – спросил сын. – Мадам Екатерина?

– Вовсе нет, но богат кардинал, за него-то она и держится. Он – наше зло, Екатерина понимает это, и сама его боится. Вот почему, я думаю, она жаждет встречи со мной, королевой гугенотов. Мы – это оппозиция Гизам, и ей надлежит установить баланс между Сциллой и Харибдой³⁴, чтобы не быть сожранной той или другой.

– А чего хочет кардинал?

– Занять престол французских королей, а ко мне подослать убийцу, – ответила мать, и глаза ее засверкали гне-

³⁴ Сцилла и Харибда – легендарные шестиглавые собакоголовые чудовища, охранявшие узкий пролив между Сицилией и Апеннинским полуостровом; пройти между ними было практически невозможно: спасшись от одного, мореплаватели неизбежно оказывались в пасти другого.

вом. — Тогда ему никто не помешает посадить на трон своего брата Франциска. Потом ему будет легко расправиться с протестантами, которые лишатся своей королевы и окажутся беззащитны.

— Но у них есть еще король! — возразил Генрих.

— Твой отец? — удивленно вскинула брови Жанна. — Да разве ты не понял, что он предал нас, они купили его! Этот дамский волокита, вконец развращенный девицами легкого поведения, которых привезла с собой из Италии мадам Екатерина, не думает ни о чем, кроме женщин, и о славе, которую добывает в походах, но которая достается кардиналу. Он мог бы быть регентом Франции, первым лицом в королевстве, но он отказался! Эта хитрая бестия Екатерина заставила его подписать отказ от регентства.

— Как же ей это удалось?

— А это тоже мне надлежит узнать.

— А что же королева? — снова спросил Генрих. — Разве она может допустить, чтобы Гизы отняли у нее трон?

— Она уже не рада, что приблизила их к себе. Теперь ей нужен союзник в борьбе против такого сильного феодала, каким является Гиз, и этот союзник — я. И только у нее надлежит искать спасения, — вздохнула Жанна. — Но если бы ты знал, сын, как мое сердце восстает против того, что я должна с ней общаться как с равной.

— Но ведь она королева, и ты тоже... — удивился принц.

— Это она-то королева? — сухо рассмеялась Жанна д'Аль-

бре одними губами. — Да знаешь ли ты, что она всего-навсего дочь племянника папы Лоренцо, которого зовут «флорентийским менялой». Королева!.. Да если хочешь знать, у меня больше прав на французский престол, чем у этой флорентийской торговки, все достоинство которой состоит в том, что папа Климент VII приходился ей дядей. Он-то и сосватал ее за моего брата. А она тут же поспешила нарожать одиннадцать отпрысков, которые и обеспечили ей теперь положение вдовствующей королевы-матери. Ей, дочери какого-то итальянца, которому папа вложил в руки герцогство Флорентийское, досталась вся Франция! А я, королева Наваррская, сестра Генриха II, ее мужа, и племянница Франциска I, вынуждена довольствоваться крохотной территорией на юге, дарованной моей матери Маргарите дедом Карлом Ангулемским еще в конце прошлого века! И они еще там, в Париже, мечтают о том, чтобы я переменяла веру и стала католичкой?! Никогда! Скорее Пиренеи сдвинутся с места.

— Успокойся, мама, — Генрих обнял ее колени. — Они не стоят того, чтобы ты так убивалась.

— Ты прав, мой сын, — улыбнулась Жанна. — Конечно, ты не все понял, ведь за меня говорил голос крови. Но верь, настанет время, когда Валуа исчезнут... Отпадут от ствола, как высохшие ветви дерева. На трон сядет представитель новой династии, и это будет Генрих де Бурбон, король Наваррский, мой сын!

Он с бесконечным обожанием взглянул матери в лицо и

увидел, как побежала по ее щеке скупая слеза.

* * *

Во дворце долго не находилось подходящего места для разговора, и Жанна поняла, что королева-мать попросту тратит время, чтобы обдумать ход предстоящей беседы.

Наконец они устроились прямо у очага в спальне: Екатерина ближе к окну, Жанна напротив огня. Взгляды их не перекрещивались, но позиция королевы-матери была выгоднее: она могла наблюдать за соперницей, оставаясь невидимой ею.

– Вам, наверное, хотелось бы увидеть мужа? – первой начала с легкой улыбкой Екатерина Медичи.

– Как и всякой женщине, которая не видит своего супруга месяцами, – парировала Жанна. Она поняла, что собеседница прощупывает почву. Если Жанна вспылит, она не опасна. Если нет – разговор будет сложнее.

Нападение повторилось:

– Вам, наверное, наплели про него кучу небылиц?

– Пустое. Я всегда знала, что Антуан – ветреный муж, но никогда не думала, что он так легко предаст свои идеалы.

Екатерина поняла, что ошиблась: беседа будет непростой. Что могло беспокоить королеву Наваррскую, если не слухи о бесчисленных любовницах ее мужа?.. Но в любом случае приезд Жанны весьма кстати, надо искать в ее лице союзни-

цу в борьбе с Гизами.

То же думала и Жанна; теперь надо было, чтобы королевы поняли друг друга.

– Перемена веры Антуана Бурбонского привела к усилению партии католиков, – начала Жанна д’Альбре, глядя в огонь, – что в конечном итоге способствует усилению власти Гизов. Не кажется ли вам, мадам, такое положение опасным? Я говорю о династии Валуа, представителями которой являются ваши дети.

– Это правда, – не могла не согласиться Екатерина. – Признаюсь, это и меня беспокоит, Гизы наглеют с каждым днем, и нужна очень сильная и твердая рука, чтобы противостоять их притязаниям...

– На что же они претендуют? – вскинула брови Жанна. – Чего им еще не хватает?

– Французской короны, – коротко бросила Екатерина и впиалась глазами в лицо собеседницы, ожидая увидеть испуг, но произошло другое.

– Короны? – внешне спокойно спросила Жанна, даже не повысив голоса. – Эти лотарингские выскочки мечтают даже о таком? Но на каком основании?

– Представьте себе, кто-то взял на себя труд разложить по полочкам генеалогическое дерево французского королевского дома и обнаружил там...

– Что же он там обнаружил? Уж не являются ли Гизы прямыми потомками французских королей? – Жанна внутренне

напряглась в ожидании ответа.

– Это была младшая, косвенная ветвь, да к тому же еще по женской линии, идущая все от того же Роберта, младшего сына Людовика Святого³⁵. Кстати, моя мать тоже принадлежит к одной из ветвей этого дома.

– Да, но она еще дальше от старшей ветви моего мужа, чем Гизы, – сразу пресекла ее торжествующий взгляд Жанна, прекрасно знавшая родословную короля Людовика. – Кстати, это тоже женская ветвь. Ваш изыскатель увидел лишь то, что хотел увидеть, и не разглядел того, чего не хотел или, быть может, чего ему приказали не увидеть.

– Это был не мой человек, – нахмурилась Екатерина Медичи. – Не забывайте, речь идет о принцах Лотарингского дома, возымевших желание унаследовать трон моих сыновей. Я говорю о Франциске Гизе, для скорейшего исполнения своих замыслов он способен на все.

– Вам не следует беспокоиться на этот счет, мадам, ветвь Бурбонов гораздо ближе к престолу, чем принцы Лотарингские. К тому же, как известно, они иностранцы.

– Вот как? И вы сможете это доказать? – заинтересовалась Екатерина.

– Смогу, если пожелаете.

– Объяснитесь точнее.

³⁵ Людовик IX Святой (1226–1270) – французский король, великий правитель XIII в., организатор нескольких крестовых походов против неверных. Канонизирован Римской церковью за свое благочестие.

– С удовольствием. – И Жанна устно представила собеседнице родословную Бурбонов, откуда проистекала наследственность французского трона.

– Выходит, – усмехнулась Екатерина, – господин кардинал несколько извратил факты, убеждая меня в обратном.

Ее беспокойство перешло в уверенность. Значит, опасность угрожает ее сыновьям теперь уже с другой стороны. В таком случае положение не так безнадежно. Принц Наваррский совсем юн, ему только девять лет, а у нее в запасе еще трое сыновей. К тому же протестанты не в состоянии самостоятельно оттеснить Гизов, поэтому их и надлежит усилить, дабы создать мощный противовес Лотарингскому семейству. Однако надо быть начеку: пробовали же гугеноты похитить короля в Амбуазе. Не собирались ли они посадить на трон Антуана Бурбонского или его брата Людовика Конде?

– Кардинал? – переспросила Жанна. – Значит, вот кто плетет сети, пытаясь убедить вас, что Гизы такие же принцы крови, как и Бурбоны! И он же вынудил моего мужа переменить веру, пообещав ему за это испанские Пиренеи.

– Он, мадам, – подтвердила Екатерина.

– Но с вашего ведома, разумеется.

Королева-мать пожала плечами.

– Зачем же вы позволили ему это? Ведь вам, насколько я понимаю, надлежит ослабить фракцию Гизов, а вы ее усилили.

Екатерина изобразила на лице недоумение:

– Поверьте, это все кардинал! Он даже не посоветовался со мной, предпринимая столь дерзкий шаг. Ведь я знаю, каким ударом оказалось бы это для вас. Но есть еще одна причина.

– Вот как? Что же это? По-видимому, это касается меня?

– Нет, что вы, – поспешила успокоить собеседницу Екатерина, – это касается вашего мужа. Как вы помните, речь шла о Наварре, принадлежащей Испании. И о том, что Карл Лотарингский пообещал эту территорию вашему супругу.

– Нашему дому королей Наваррских, хотите вы сказать, – поправила Жанна, проявляя живой интерес.

«Я не ошиблась, – подумала Екатерина, – она действительно приехала требовать от меня Наварру».

– Совершенно верно, – подтвердила она, – но видите ли в чем дело, милочка...

Глаза Жанны внезапно широко раскрылись, она порывисто вскочила, кровь бросилась ей в лицо. С кем говорит эта торговка?! Она забыла, что перед ней не фрейлина!

– Вы не смеее так разговаривать со мной! Я вам не служанка! Я – королева Наваррская! Ваш покойный муж приходился мне двоюродным братом, а вы обращаетесь ко мне, как к уличной девке, вы, в которой нет ни капли королевской крови и которая только волею случая правит французским государством!

Лучше бы она не произносила последних слов. Екатерина,

несмотря на то, что всегда умела владеть собой, мгновенно побледнела. Вены на шее вздулись, левая бровь задергалась в нервном тике, а глаза будто остекленели, уставившись на собеседницу. Человек злопамятный, она не помнила, чтобы когда-нибудь с ней так смели говорить.

В этот миг Жанна поняла, что совершила большую ошибку. Осознала свою оплошность и королева-мать. Сама того не желая, она спровоцировала Жанну на обострение их отношений. Казалось бы, им обоим надлежит держаться одна другой и жить в мире, а вместо этого... Жанна вспылила, к тому же не сумела вовремя остановиться, а несдержанность порою бывает причиной многих бед. Так было и на этот раз: последних слов мадам Екатерина не простит ей уже никогда. Не зная еще этого и пытаясь исправить ситуацию, Жанна опустилась в кресло и совсем другим тоном, уже мягче, проговорила:

– Прошу простить меня за резкие слова, мадам.

Ей надо было перебороть себя для того, чтобы сказать это. Но так было нужно, ссора не входила в ее планы.

Екатерина огромным усилием воли взяла себя в руки.

– Хорошо, хорошо, – торопливо произнесла она, и даже улыбнулась. – Забудем этот инцидент. Мы обе виноваты. Я несколько забылась, вы немного вспылили. Мы, королевы, должны прощать друг другу некоторые слабости.

Единственное, что выиграла Жанна в результате своей несдержанности, это то, что мадам Екатерина никогда отны-

не не забывалась в ее присутствии; проиграла же в том, что нажила смертельного врага в лице злопамятной родственницы герцогов Медичи.

Теперь старая королева решила в отместку за оскорбление уколоть молодую, да побольнее, благо случай сам шел в руки. Излишняя горячность; она поймет это позднее и станет выпутывать саму себя из собственных сетей.

– Так вот, – продолжала Екатерина Медичи неожиданно прерванный разговор, – территория эта принадлежит, как вы знаете, королю Испании, и попытаться завладеть ею – значит объявить Филиппу II войну. Французский король в дружбе с испанским, и никто не даст согласия на глупую и никому не нужную войну из-за земли, которой хочет обладать наваррская королева.

– И по доброй воле тоже? – спросила Жанна.

– Ни один король не отдаст другому ни кусочка своей территории, какими бы крепкими и неразлучными друзьями они ни были...

И тут королева-мать замолчала, ибо вместо крови заговорил разум: к чему она это сказала? Ведь теперь стало ясно, что Антуана Бурбонского просто обманули! Зато она увидела, как Жанна закусила губу, из чего заключила, что удар попал в цель.

Но раз уж она сказала то, чего не следовало говорить, то надо по крайней мере извлечь из создавшейся ситуации выгоду для себя. Надо быть поприветливее, дать почувствовать

этой горячке, что они с нею по-прежнему не только добрые приятельницы, но и союзницы.

И Екатерина мгновенно отыскала выход. Во-первых, откровенность, с которой она обрисовала положение дел. Да и незачем было это скрывать, не так глупа Жанна д'Альбре, чтобы не знать о невозможности подобного дара даже в обмен на перемену веры и связанные с этим действия по искоренению кальвинизма. Во-вторых, королева Наваррская будет вынуждена обратиться к ней с просьбой и, таким образом, стать обязанной королеве-матери. Чем не повод прибегнуть к рукам протестантов! Вряд ли после такого щедрого подарка Жанна посмеет поднять голову против нее. Напротив, есть возможность заставить свою политическую соперницу действовать сообща, что, несомненно, будет способствовать миру в королевстве, а впоследствии, быть может, с помощью Антуана, ее мужа, удастся принудить Жанну полностью отречься от кальвинизма. Вот тогда Филипп и подарит им Наварру, а значит и ей, Екатерине, не придется ничего дарить.

– С какой стати Филиппу раздавать свои земли? – продолжала королева-мать развивать свою мысль. – Что он скажет своему народу? А куда он денет население, живущее там?

– Людей там почти нет, – возразила Жанна. – Одни горы.

– Это ничего не значит. Вот если бы французский король завоевал эту территорию, тогда другое дело, но, повторяю, война между нашими государствами невозможна. При-

том учтите: едва дело дойдет до конфликта, первый удар обрушится на вас, пострадают только протестанты, ваши подопечные, впрочем, как и мои. Разве нам с вами этого хочется?

Мадам Екатерина говорила полуправду, и королева Наваррская догадывалась, о чем умалчивает собеседница. Дружба испанского короля понадобится ей для борьбы с гугенотами на юге страны, если вдруг между двумя королевами не возникнет взаимопонимания. Это был ее козырь, и она не собиралась его лишаться.

И королева-мать воззрилась на Жанну, ожидая ответа, пытаясь взглядом проникнуть в самую ее душу: поняла ли она?

Ответ Жанны поразил Екатерину.

– Благодарю вас, мадам, что сказали правду. Если бы вы пообещали мне Наварру, я сразу поняла бы, что вы лжете. Остается только удивляться, как легко мог попасться на эту удочку Антуан.

– Он действовал прежде всего в ваших интересах, интересах своей жены, а вы в пику ему стали протестанткой, хотя прежде слыли доброй католичкой.

– Я переменила веру из чисто религиозных соображений, – сухо обронила Жанна.

Королева-мать улыбнулась. Она знала, что королева Наваррская лукавит, но промолчала. А Жанна меж тем была недалеко от истины.

– Что касается моего супруга, – продолжала она, – то он

не мог пойти на такую сделку с испанским королем. Это интриги с целью и меня переманить в другую веру. Но вам это не удастся. Ни вам, ни кардиналу!

– Никто и не пытается это сделать! – воскликнула Екатерина. – Кардинал лишь посредник между Испанией и Наваррским королевством, он старался помочь вашему мужу и, вполне естественно, потребовал за это равного обмена. Если желаете, можете поговорить об этом с его преосвященством, уверена, он даст вам точный и обстоятельный ответ.

Говоря так, Екатерина знала, что подобный разговор никогда не состоится: королева Наваррская и кардинал были заклятыми врагами.

Жанна задумалась. Значит, от нее хотят перемены веры. Такова была цена испанской Наварры: сначала Антуан, потом – она...

Ее собеседница молча наблюдала за игрой чувств, отражавшейся на лице гостьи.

– Речь идет еще и о Сардинии, – вкрадчиво прибавила королева-мать.

Жанна вздрогнула. Вот так щедрость! Значит, Антуану отдадут еще и это королевство? Кажется, ее вера здорово им мешает.

– Цена немалая, – снова произнесла Екатерина.

Жанна тряхнула головой. Ее шантажируют, теперь она знала это точно, как и цену их обещаниям. Но она не вернется в римскую церковь, как бы ее ни заманивали! Но, желая

заглянуть в карты противника, не показывая ему при этом свои, она уклончиво ответила:

– Вопрос нелегкий, я должна подумать.

Королева-мать удовлетворенно кивнула. Но знала, что Жанна хитрит и не сдастся. Впрочем, ее это устраивало: тем сильнее будет кулак против Гизов.

– Кстати, а где сейчас мой супруг? – спросила Жанна, давая понять, что тема исчерпана, во всяком случае, на сегодня.

Екатерина отлично поняла ее и выпрямилась в кресле:

– Не могу вам точно сказать, но, если пожелаете, можно узнать об этом у коннетабля.

– Хорошо. В зависимости от ответа я и решу, остаться ли еще при дворе Карла IX или вернуться в Беарн.

– Уверяю вас, дорогая, что буду несказанно рада, если надумаете задержаться. Право, во дворце так скучно! Я ведь окружена сплошь мужчинами, а у них, сами знаете, все разговоры только о войне... – Они улыбнулись друг другу, как старые добрые приятельницы. – Мне бы хотелось жить в дружбе с вами, – посерьезнела вдруг Екатерина. – Однако на вашем лице лежит печать озабоченности чем-то, и я давно и тщетно пытаюсь разгадать ее причину. Вы ведь, я полагаю, предприняли сию поездку не только ради выяснения обстоятельств, заставивших вашего мужа сменить веру?

– Вы правы, мадам, – ответила Жанна, смело взглянув собеседнице прямо в глаза. – Я здесь еще и затем, чтобы

напомнить вам о вашем долге по отношению ко мне как к своей союзнице. А в том, что это так, вы, надеюсь, убедились во время нашего с вами обсуждения ситуации, связанной с чрезмерным возвышением Гизов. – Королева Наварры недвусмысленно давала понять, что готова остаться с мужем по разные стороны баррикад.

– Я согласна с вами, – заурчала, словно зажмурившаяся от удовольствия кошка, королева-мать. – И чрезвычайно рада, что нашла в вашем лице добрую союзницу. Но, право, я не совсем понимаю, чем смогу быть полезной в деле укрепления веры у вас на юге. Если не ошибаюсь, вы и без того достигли там немалых успехов в этом вопросе.

– Я королева без королевства, мадам, мне не хватает территории. Дабы ополчиться на ваших врагов, коими вы считаете Гизов, мне нужна армия. Вы же прекрасно понимаете, что я не смогу набрать оную только в Беарне и своей маленькой Наварре! Такое войско будет подобно стайке мышей, которые полягут от первого же удара орлиным крылом по их головам.

«Это хорошо», – подумала королева-мать. Вслух же спросила:

– Чего же вы хотите?

– Отдайте мне Гасконь и Фуа, и я перестану чувствовать себя обделенной. Мое государство расширится, и, став королевой Юга, я смогу собрать под свои знамена тысячи людей, недовольных тиранией Гизов, которых потом мы объединим

с вашими и...

– ...и ввергнем Францию в пучину гражданской войны, – закончила за нее Екатерина, криво усмехнувшись.

Жанна тотчас остыла: не следовало вести себя столь экспансивно.

– А потом, разбив Гизов, – продолжала королева-мать, не сводя глаз с собеседницы, – вы с вашими гугенотами возьмете штурмом Париж, меня с моими сыновьями в лучшем случае отправите в изгнание, а в худшем... даже думать не хочется... Сами же посадите на престол своего сына и станете при нем регентшей, не так ли?

Последний выпад отразить было нечем. Екатерина начала играть в открытую, и Жанна мгновенно сориентировалась.

– Не стоит сгущать краски, – поспешно ответила она, продолжая удивляться в душе откровенности королевы-матери, – я вовсе и не думала об этом.

– Что же вами руководит в таком случае?

– Исключительно соображения борьбы за истинную веру.

– А под истинной верой вы, конечно, подразумеваете кальвинизм?

– Разумеется. Истребив католицизм, мы, по примеру английского короля Генриха³⁶, заставим Францию принять новую веру.

³⁶ «...по примеру английского короля Генриха». – Получив отказ на свою просьбу о разводе с Екатериной Арагонской, король Генрих VIII (1509–1547) порвал с Римом и ввел в Англии протестантизм.

Ответный, не менее осязаемый выпад. Настал черед задуматься Екатерине. Опустив голову, она машинально потерла виски.

– Но что же ждет в таком случае меня и моих сыновей? – последовал наконец ее вопрос.

– Обращение к кальвинизму, только и всего. Все будет, как при Елизавете: никто не посмеет посягать на трон Франции. С одной лишь разницей: вместо Испании нашей союзницей станет Англия. Вместе мы превратимся в столь мощный кулак, что против него не осмелится выступить ни одна католическая держава!

Если бы напротив сидела не Жанна д'Альбре, Екатерина решила бы, и не без оснований, что беседует с сумасшедшей. Однако она слишком хорошо знала королеву протестантов. Своим контрпредложением та изощренно намекала: «Если ты не желаешь соглашаться на мои условия, почему я должна поступать иначе?»

«Далеко же ты пойдешь, если тебя вовремя не остановить, – думала между тем Екатерина Медичи. – Но не для того я вырастила своих сыновей, чтобы отдать их трон какой-то нищенке с Пиренеев». Вслух же сказала:

– Вы предлагаете мне принять участие в заговоре против папы? Мне и всей Франции?

– Почему бы и нет, раз католицизм столь лжив и продажен? Я говорю это лишь потому, что знаю: вы – не рьяная католичка.

Екатерина усмехнулась:

– Интересный у нас с вами получается разговор: я пытаюсь завлечь вас в свой дом, вы меня – в свой. Можно было бы сказать, что каждая из нас по-своему права, если бы не одно обстоятельство: мне неплохо живется и сейчас, и я не желаю другой участи.

– То же относится и ко мне.

– Не совсем. Вам предлагают обмен, а я не получаю ничего, кроме размолвки с папой. Так чего же ради я буду наживать себе таких могущественных врагов, как Испания и Рим? Чтобы иметь дружбу с северной державой, называемой Англией? Полноте, мы и так не враги.

Теперь Жанна была спокойна: больше предложений об обмене не последует. Оставался предстоящий неприятный разговор с мужем, которого ей, по-видимому, не переубедить.

– Я знала, что вы ответите именно так, и все же хочу вернуться к своей просьбе.

Екатерина понимала, что, раз задавшись целью, Жанна не отступится.

– Ваш муж, если не ошибаюсь, является наместником короля не только в Париже, но и в Гиени? Должность пожалована ему королем за ратные заслуги перед отечеством.

– И это справедливо.

– Так чего же вам еще недостает, если Гиень в пять раз больше Фуа и почти равна по площади Гаскони?

– Все бы хорошо, мадам, если бы по смерти мужа это по-

жалование не возвращалось во владения французского короля и если бы между Гиенью и Беарном не лежала Гасконь.

– Вы полагаете, ваш муж должен скоро умереть?

– Я в этом уверена. Он солдат; смерть на поле боя – закономерный удел военных. Не зря кардинал бросает его с войском из одного конца страны в другой.

– Вы хотите, чтобы Гиень осталась за вами?

– Да. Но я хочу владеть ею не в качестве наместницы, а в качестве законной правительницы, передающей свои права по наследству.

– А как же Гасконь?

– Мы предоставим господину Монлюку, наместнику короля, возможность самому решить, к кому примкнуть: к католическому Северу или к протестантскому Югу.

– Вопрос весьма щепетильный, с ходу его не решить, – произнесла задумчиво Екатерина, твердо уже зная, впрочем, что единственное, на что она сможет решиться, так это лишь на обещание.

А пока ей надлежало реализовать последний пункт плана, который она наметила на сегодня еще задолго до этой беседы.

– Знаете ли вы, о чем мечтают Гизы? – начала Екатерина без обиняков. – Я вам скажу. Они хотят женить вашего мужа...

– Женить моего мужа? – у Жанны даже перехватило дыхание от негодования: уж не ослышалась ли она? – Женить

Антуана?! Но с какой стати? Ведь я, его законная жена, еще жива!

– Вас они просто уберут, как убирают камень с дороги.

– Меня?! Наваррскую королеву?!

– Для них нет преград, разве вы этого еще не поняли?

– Господи Иисусе!.. Ну а дальше?

– Вы еще не узнали, на ком они хотят его женить.

– И на ком же?

– На Марии Стюарт, шотландской королеве, вдове Франциска II. Моей бывшей невестке, кстати.

– Но ведь ей всего около двадцати, а ему уже сорок четыре!

– Возраст не играет роли.

Жанна д'Альбре опустила глаза и слегка побледнела. Вот как! Вот до чего дошел Антуан в своей ненависти к ней. Он не только перестал обращать на нее внимание как на женщину, но, кажется, свыкся с мыслью, что ее нет вовсе. Это больно ранило ее в самое сердце. Но эта женщина была сильной духом. Подняв голову и сжав кулаки, она спросила, отрезанно глядя на пламя очага:

– К чему же сей замысел?

– К чему бы он ни привел, нам с вами необходимо помешать ему. Думаю, став с помощью своей племянницы родственниками Антуана Бурбонского, Гизы мечтают прибрать к рукам и его владения, и его жену вместе с сыном и их го-рами.

Екатерина не лицемерила и не лгала. Сейчас ей было важно не то, как воспримет Жанна эту весть, а что посоветует предпринять для срыва плана. Сама она вот уже второй день, с тех пор как узнала новость от своих шпионов, не могла найти этому противодействия.

Теперь они вместе, объединившись и прислушиваясь друг к другу, принялись решать проблему.

– Вернемся к началу нашего разговора, – предложила мадам Екатерина, наклонившись к собеседнице, чтобы иметь возможность говорить тише.

– Вернемся, – кивнула Жанна.

Теперь они говорили вполголоса. Временные распри немедленно забылись. Сейчас это были две заговорщицы, пытавшиеся разгадать чужую игру, заглянув вначале в карты противника.

– Гиз мечтает о престоле. Но его родство с королевским домом еще не доказано, – сказала Екатерина.

– Если оно и существует, то в отдаленном весьма колене, – возразила Жанна.

– Значит, Гизы хотят обойти свою побочную линию и зайти в спину к неприятелю, то есть к Валуа.

– Верно, но что же из этого следует?

– А вот что. Этот маневр они мечтают совершить, приблизившись вплотную к дому Бурбонов и став, таким образом, вашими зятями.

– То есть к тому дому, который стоит первым на пути к

трону.

– Истинно! А как к нему приблизиться, если не путем...

– ...родства!

Екатерина приложила палец к губам и склонилась еще ниже к собеседнице:

– Тс-с... Вот мы и разгадали их план. Теперь вам понятно, чего они добиваются?

– О, я, кажется, поняла! От этого брака непременно родится ребенок, и, какого бы полу он ни был, он будет родственником Гизов, их ставленником, через которого они получат французский престол.

– Вот именно, Жанна! Этот ребенок будет нести в себе кровь Бурбонов, а Мария Стюарт – родственница Гизов.

Жанна продолжила свою мысль:

– Если родится мальчик, они тут же посадят его на трон и будут править государством от его имени в качестве регентов...

– А если родится девочка, – закончила за нее Екатерина, – то они подождут рождения следующего ребенка либо подменят дитя на малыша мужского пола, таких случаев в истории немало.

– А как же мой сын, мой Анрио? – испуганно воскликнула Жанна.

– С ним произойдет несчастный случай, будьте уверены; людям, стремящимся к власти, ребенок не помеха. Примеров тому множество. Да, но что будет с моими детьми, у ме-

ня ведь их трое, три последних Валуа?

– О мадам, человек, который решится расчистить себе дорогу, срубив одно дерево, срубит еще с десятков, если они будут мешать ему проехать.

– Нам необходимо помешать их планам.

– Что, по-вашему, для этого надо делать?

Вопрос был непростой. Екатерина встала, прошлась по комнате, подошла к окну, устремив взгляд во двор, где играли на заснеженной лужайке дети. Несколько минут она молча наблюдала за тем, как Генрих Наваррский, девятилетняя дочь Маргарита, восьмилетний Геркулес – будущий Франциск Алансонский, и одиннадцатилетний Эдуард-Александр – будущий король Генрих III, играли в кольца.

Вдруг она резко обернулась, подошла вплотную к Жанне, взяла ее руки в свои и возбужденно заговорила:

– Вы не желаете терять мужа, я – своих сыновей. И я придумала, как нам поступить.

– Я теряю не только мужа, но и сына.

– Вашему Анри они ничего не сделают, он им не помеха. У них появится свой Бурбон, и он будет законнее вашего. Уж они постараются это доказать, будьте уверены. Путь в Ватикан им не заказан, а с их связями и богатством, которым располагает их семейство, они задобряют не только самого папу, но и весь Рим вместе с его жителями. Единственным препятствием на их пути к трону будет родословная французских королей, вот тут-то они и рассчитывают на этот брачный со-

юз. Но мы вставим им другую шпильку. Не так-то просто будет им уничтожить последних Валуа и первого Бурбона.

– Каков же ваш план?

– Нам необходимо сочетать браком наших детей: вашего Генриха и мою Маргариту.

Жанна не понимала, это было видно по ее лицу. Королева-мать терпеливо объяснила:

– Даже устранив одного за другим моих сыновей, они обойдут вниманием Марго как не представляющую для них никакой угрозы. И это будет их самый главный просчет! Мы выдадим Марго замуж, и ее мужем станет законный французский король. Это будет свадьба Валуа с Бурбонами.

Жанна была потрясена широтой и глубиной замыслов королевы-матери. Она готова была лишиться всех своих сыновей ради одной цели – сохранения французского престола для себя, пусть даже такой дорогой ценой! Да в своем ли уме эта женщина? Вот до чего она не доверяла Гизам, видя в них угрозу государству, предчувствуя с их приходом к власти раздробленность и междоусобные войны. Она, как опытный шахматист, отдавала противнику на съедение несколько сильных фигур, чтобы отвлечь его внимание и нанести меткий и решительный удар, сулящий выигрыш.

Впрочем, немного погодя Екатерина, мило улыбаясь, прибавила:

– Но это самый крайний случай, разумеется. А до тех пор мы подумаем вместе, как расстроить свадьбу, в результате

которой ваш муж станет родственником Гизов.

— И я уверена, мы придумаем что-нибудь стоящее, — завила ее Жанна. — И потом, я еще жива и не собираюсь давать развода Антуану.

— Вот и отлично. Вы не торопитесь вернуться в Беарн? Тогда поживите у меня. Нам с вами есть о чем поговорить. А сейчас... хотите отдохнуть? Я тоже. Пойдемте вниз, посмотрим, как развлекаются наши дети.

Глава 2. Женщины и политика

В одном из кабинетов Лувра за столом, покрытым красным сукном, сидела королева-мать Екатерина Медичи, по левую руку от нее — ее приемная дочь Диана Французская. Екатерина, — в своих обычных черных одеяниях с гофрированным воротником вокруг шеи, Диана — во всем белом. Резкий контраст, хотя и не слишком велика разница в годах: сорок три года и двадцать четыре.

— Так что же маркиза де Водрейль? — спросила Екатерина, продолжая начатый ранее разговор.

— О, она не вынесла этого удара и отреклась от всего мирского, посвятив себя служению Богу, — ответила Диана.

— В самом деле? Ай да Бурбон, переменчив, как весенняя погода!

— С маркизой у него не было ничего серьезного, да и продолжался их роман лишь до очередного его похода.

– Значит, бедная Водрейль не сумела дожидаться своего возлюбленного. А когда он вернулся, то...

– ...застал ее, как говорят, на месте преступления. Соперника он тут же зарезал, как ягненка, а неверную избил так, что она целый месяц не выходила из дому. Представляю, какую была бы его месть, окажись на месте маркизы законная супруга.

– Нет, нет, Диана, это исключено! Королева Наваррская – особа строгих правил и вовсе не падкая до любовных интрижек с чужими мужчинами.

– Кстати, Ваше Величество, зачем она явилась в Сен-Жермен? Говорят, Антуан Бурбонский тут же отправился со своей армией куда-то на север, чтобы только не встречаться с ней.

– Она приехала, побуждаемая муками ревности, – не моргнув глазом, ответила королева-мать. – Почему ты об этом спрашиваешь, Диана?

– При дворе судачат, будто Антуан Бурбонский собирается жениться.

– Жениться? – Екатерина Медичи изобразила безграничное удивление. – На ком же?

– Неизвестно, но госпожа де Мансо, с которой я встречалась недавно, заверила меня, что Гизы хотят женить его на какой-то своей родственнице.

– В самом деле? Для чего же?

– Ах, Ваше Величество, для вас ведь не секрет, что Ги-

зы мечтают о троне французских королей, а поскольку ветвь Бурбонов – ближайшая к Валуа, они и хотят взять к себе в дом Антуана.

– Им еще долго придется ждать, – с оттенком ненависти проговорила королева-мать. – На престол взошел Карл, но у него еще два брата. Династия Валуа не скоро закончится, я надеюсь дождаться еще и внуков...

– Дай-то Бог, мадам, ведь по отцу я тоже Валуа.

– Постойте, Диана, а как же его супруга, королева Наваррская? Ведь их брак никто не расторгал.

– Ах, мадам, вам прекрасно известно, насколько сильны Гизы.

– Не преувеличивай, дочь моя. Я лишь знаю, что наш дражайший кардинал собирался наследовать Павлу IV, но тут...

– ...но тут, мадам, конклав единодушно избрал папой Пия IV из вашего рода Медичи.

Екатерина кивнула.

– И тем не менее, – продолжала Диана, – я уверена, Гизы найдут подход к новому папе.

– Значит, вы полагаете, позиции Гизов еще очень сильны?

– Разумеется, ведь Карл Лотарингский является главой святой церкви Франции, а если бы на троне сидели Гизы, в Ватикане избрали бы другого папу – из рода неаполитанских герцогов Феррарских или Караффа. Ибо не секрет, что своим величием и существованием вообще папы обязаны больше всего королям Франции, в частности, Пипину Коротко-

му³⁷ и Карлу Великому, – улыбнулась Диана.

Это было правдой, и мадам Екатерина это знала.

– Кстати, – спросила она немного погодя, – а где нынче Гиз? Вам, как жене маршала и снохе коннетабля, думаю, это известно.

– Помнится, с месяц тому назад он отправился во главе своих солдат в Эльзас. Кажется, там произошли крестьянские волнения, и ему пришлось их усмирять. А где он сейчас, надо спросить об этом у мужа.

В эту минуту доложили о визите коннетабля Анна де Монморанси.

– Просите, – сказала королева-мать и повернулась к Диане. – Очень кстати, спросим об этом у вашего свекра. Ах, Диана, верите ли, как отдохнула я в разговоре с вами от скучных политических дел, ежедневно донимающих меня. Честное слово, я почувствовала себя лет на двадцать моложе. Как жаль, что наши беседы случаются так редко.

В кабинет вошел коннетабль, бывший воин двух королей, Франциска и Генриха. Он был одет в темно-серый плащ с серебристыми полосами снизу вверх, подбитый со всех сто-

³⁷ Пипин III Короткий (714–768) – первый король из династии Каролингов, отец Карла Великого. Пипин в благодарность за то, что папа Стефан III венчал его королевской короной и объявил «Божьим избранником», передал ему отнятые у лангобардского короля Лиутпранда земли, включая и Рим. Это была огромная территория, названная «Пипиновым даром». Пипин, таким образом, стал покровителем и защитником Рима и получил титул «патриция римлян». Карл Великий продолжил дело отца, полностью уничтожив государство лангобардов и возложив на свою голову их корону.

рон мехом горностая; голова его покоилась, как на блюде, в белых брыжах, на груди висел орден Золотого Руна. Ему было семьдесят лет, но выглядел он все еще молодцевато.

– Мне уйти? – негромко спросила Диана де Франс.

– Вовсе незачем, – так же тихо ответила королева-мать. – Вы родственники, и вряд ли он собирается сообщить нечто, что не предназначалось бы для ушей дочери короля герцогини Ангулемской.

Коннетабль подошел и сдержанно поклонился обеим дамам:

– Ваше величество... мадам герцогиня...

– Присаживайтесь, Монморанси, – указала Екатерина жестом на одно из кресел за столом. – Ни к чему дворцовые этикетки, это нам надлежит стоять перед вами, храбрым полководцем, отдавшим столько сил и умения для блага отечества.

– О, Ваше Величество, – скромно ответил коннетабль, не понимая, куда клонит королева-мать, – заслуги мои не столь уж велики, как вам кажется. Я солдат, и радеть о благе отчизны – мой долг, как, впрочем, и долг каждого христианина и верного сына Франции.

Екатерина не сводила с него прямого взгляда. Каждый, кому удалось бы в эту минуту прочесть ее мысли, без труда увидел бы в этом взгляде насмешку и осуждение одновременно.

– Полноте, коннетабль, ваша фигура при дворе Генриха II была далеко не последней, и вам это хорошо известно.

Вспомните-ка, какую роль вы играли в дуэте с Дианой де Пуатье при моем покойном муже. Вы были так горды своим положением, а ваши отношения с мадам Валантинуа были настолько хороши, что вы даже и не замечали свою королеву.

— О мадам, — пробормотал коннетабль, начиная краснеть, — поверьте, я всегда искренне любил и глубоко уважал свою королеву; я старался по мере сил служить верой и правдой Вашему Величеству...

— Вы служили королю, Монморанси... И его фаворитке. Разве не так?

Коннетабль отвел взгляд, засопел и побагровел еще больше. Он не ожидал такого разговора, хотя боялся его с тех пор, как Екатерина стала полноправной правительницей государства.

Екатерина продолжала атаку, следуя давно задуманному хитрому расчету. В своей борьбе против Гизов она делала ставку на дом Монморанси как оппозицию принцам Лотарингского дома: поскольку герцог Гиз стоял неизмеримо выше Жанны д'Альбре, а потому представлял большую опасность для престола, коннетабль Монморанси являлся своего рода балансирующим звеном между двумя партиями. Одновременно Екатерина Медичи не желала чересчур приближать его к себе. Этим сегодняшним выпадом она недвусмысленно давала понять Монморанси о его не слишком высокой роли при ее особе и о том, чтобы он не строил никаких планов, способствующих возвышению его семейства над

остальными домами высшей аристократии, как это было при покойном короле Генрихе. Вот почему она попросила Диану остаться.

– Мне бы хотелось, – сказала Екатерина напоследок, – чтобы вы не забывали: времена Генриха II ушли безвозвратно.

– Да, Ваше Величество, – пробормотал Анн де Монморанси.

– А также о том, что отныне вам надлежит служить мне столь же усердно, как и моей бывшей сопернице, любовнице моего мужа Диане де Пуатье, герцогине де Валантинуа. Вашей матери, Диана, – добавила она беззлобно.

Монморанси поднял голову и смело посмотрел в глаза королевы-матери. Весь вид его выражал теперь покорность и смирение. От былой надменности, которая сквозила в его взглядах, жестах, походке, не осталось и следа.

«Отлично, – подумала Екатерина Медичи, – теперь он будет всегда помнить урок и знать свое место. Я отомстила ему за свои прежние унижения».

– Я ваш преданный слуга, Ваше Величество, – произнес коннетабль, – и, клянусь вам, что я и все члены моего семейства были и будем вашими самыми верными подданными.

Екатерина одобрительно кивнула, давая понять, что тема исчерпана.

– Но мне кажется, – добавила она, – вы хотели еще что-то сказать?

– Государыня, – решился коннетабль, – известно ли вам, что говорят при дворе об истинной цели приезда Жанны д'Альбре?

– Что же говорят? – делано равнодушно спросила королева.

– Гугеноты, как и католики, недовольны новым январским эдиктом, – сказал коннетабль. – Мы утихомирили гугенотов политических, но совсем забыли о религиозных. Им дали право собираться вне городов, но основная их часть находится именно в городах, и она недовольна...

– Монморанси, этими вопросами должен заниматься кардинал.

– Я никогда бы не дерзнул, Ваше Величество, если бы сие не было связано с военными действиями.

– Поймите, коннетабль, мне важнее утихомирить гугенотов политических, которые непосредственно угрожают трону, для которых их вера – лишь средство. Об остальных пусть заботятся пастыри.

– Но, мадам, они вооружаются! Дело может дойти до вооруженного столкновения, а если это произойдет, война неизбежна. Так не для того ли приехала королева Наваррская, чтобы развязать гражданскую войну?

– Эдикт запрещает гугенотам собирать войска и созывать тайные собрания. Если требование будет нарушено, мы накажем вероотступников за неповиновение королевской власти. Вина за это ляжет на королеву Наваррскую, и пока она

здесь, в моем доме, протестанты не посмеют нарушить эдикт. Я всегда сумею усмирить их, для этого есть герцог де Гиз, ваш давнишний приятель, коннетабль. Кстати, где он сейчас, я слышала, в Эльзасе?

– Совершенно верно, он подавляет мятежи в среде местного населения.

– До сих пор? Ведь он уехал больше месяца тому назад.

– Герцог должен был уже вернуться, но его задержала вооруженная стычка с бунтарями между Нанси и Кайзенсбергом, близ реки Мозель.

– Это далеко от Парижа?

– Около семидесяти лье, Ваше Величество.

– Путь неблизкий. Когда, по-вашему, он вернется?

– Дней через двадцать, не больше, я думаю. Первого к полудню Гиз должен быть близ Васси, как сообщил нарочный, который недавно прибыл от него.

– Хорошо. Только бы по дороге обратно герцог не наломал дров с нашими религиозными гугенотами.

Она повернулась к своей приемной дочери:

– Диана, по вашему усталому лицу я вижу, как вам наскучили разговоры о политике и о войне. К сожалению, нам, правителям, приходится сталкиваться с этим каждый день. Вы вольны покинуть нас, я вас больше не держу.

– И в самом деле, – произнесла Диана, вставая, – у меня уже голова идет кругом. С вашего позволения я отправлюсь домой, мне надо уладить кое-какие дела. Если я вам пона-

доблюсь, вы всегда сможете послать за мной.

Поклонившись, Диана вышла из покоев королевы. У дверей стоял дворянин, увидев ее, молча приблизился.

– Лесдигьер, – сказала она, – мы отправляемся домой.

Они спустились на первый этаж и пошли вдоль галереи. Здесь толпились придворные, которые почтительно приветствовали Диану. Внезапно от одной из групп отделилась дама в голубом платье и белой мантилье и, премило улыбаясь, направилась прямо к Диане. Они радостно поприветствовали друг друга и отошли к окну, чтобы без помех немного поболтать. Лесдигьер стоял рядом и прекрасно слышал весь разговор, но это нисколько не беспокоило ни герцогиню Ангюлемскую, ни графиню де Сен-Поль.

– Как давно мы с вами не виделись, Алоиза, – сказала Диана. – Где вы пропадали все это время?

– В Ла-Шарите, на Луаре.

– Во владениях герцога Неверского?

– Ах, вы ведь знаете взбалмошный нрав его супруги Анриетты, моей приятельницы. После Амбуазской смуты она заявила мужу, что воздух Парижа ей вреден, и она желает пожить вдали от суеты, от бесконечных войн и разговоров о политике. Она и меня утащила с собой, и мы целый год провели среди девственных лесов Ниверне. Верите ли, я научилась там стрелять из аркебузы по кабанам и, представьте, достигла в этом немалых успехов. А один рыбак из замка научил нас с Анриеттой удить рыбу!..

– Вам повезло, Алоиза, – улыбнулась Диана. – Вы погрузились в мир тишины и покоя, чего так не хватает нам, принцессам королевского дома. Вам надо поблагодарить герцога Неверского, что он предоставил вам возможность хотя бы немного побыть деревенской пастушкой. А вот мне никак не удастся заставить своего мужа уехать хотя бы на месяц в провинцию, в один из наших замков. Но он дождется, что в один прекрасный день я уеду одна, без него, хотя бы в Маржанси.

– И правильно сделаете, честное слово.

– Хотите, я возьму с собою и вас, Алоиза? Вы научите меня удить рыбу и стрелять из ружья.

– С удовольствием принимаю ваше предложение, дорогая Диана. Но верите, уже через несколько месяцев я начала скушать по Парижу, королевскому дворцу, дворцовым сплетням и приключениям.

– А Анриетта?

– Нисколько. Она готова была целыми днями скакать на лошади в костюме амазонки по лугам и лесам Ниверне, совершенно не уставая при этом и, надо сказать, к полному удовольствию своего супруга.

– Что же заставило вас покинуть эту обитель неги и покоя?

– Да только то, что Анриетта соскучилась по своему мужу, который покинул нас месяца два тому назад, вызванный Гизом нарочным из Парижа. Гизу вздумалось отправиться в поход куда-то на восток, и он прихватил с собою герцога Неверского.

– Ах, моя милая, война – удел мужчин. Они и пяти дней не выдержат дома, чтобы куда-нибудь не ускакать и не принять участие в каком-либо сражении.

– Более того, дорогая Диана, они и часу не пробудут рядом, чтобы не повернуть разговор в сторону внутренних религиозных распрей или внешних врагов государства.

– Вы правы, дорогая, но нам, женщинам, все же надлежит их понять, ведь они наши защитники и рьяные борцы за веру. Если бы не они, кто знает, какие беспорядки могли бы произойти в отдаленных провинциях, как, например, в той, куда уехал Гиз.

– А куда он уехал?

– В Эльзас, там его земли и где-то недалеко – замок Жуанвиль. Местные крестьяне вдруг вздумали бунтовать против непомерных налогов, и Гиз вместе с Невером отправились их усмирять.

– Не знаете ли, когда они вернутся? – поинтересовалась графиня.

– По всей видимости, скоро. Правда, прежде им еще придется задержаться в Нанси, – добавила Диана.

– А это далеко? – спросила Алоиза.

– Довольно далеко, свекор упоминал о двадцати днях пути. К полудню первого марта Гиз должен быть в Васси, оттуда дней десять – пятнадцать до Парижа.

– Васси? Что это?

– Небольшой городок в Шампани, который Франциск II

подарил Марии Стюарт.

– Париж, наверное, встретит его с подобающим триумфом, как ярого поборника истинной католической веры. Через какие же ворота герцог въедет в Париж?

– Надо думать, через Сент-Антуанские, ведь оттуда ведет дорога в Лотарингию.

– Не премину поделиться этой новостью с Анриеттой, уже заждавшейся своего ненаглядного супруга.

Они поболтали еще несколько минут, после чего расстались, мило попрощавшись. Алоиза в сопровождении пажа направилась в сторону покоев королевских детей, Диана с Лесдигьером вышла во двор Лувра, где ее ждал портшез с носильщиками и пажом, державшим под уздцы лошадь Лесдигьера.

В дверях особняка Монморанси Диану встретила Бертранда, которая вручила ей письмо.

– Кто приходил? – спросила герцогиня.

– Человек, который принес письмо, сказал, что оно от баронессы де Савуази.

Диана поднялась к себе и раскрыла вчетверо сложенный лист бумаги.

Мелким ровным почерком баронесса писала:

«Дорогая герцогиня! Я понимаю Вашу занятость политическими и гражданскими делами и не вправе предъявлять никаких претензий к дочери короля Генриха II, напроць забывшей за текущими делами о

своей верной подруге, напрасно ждущей весточки.

Вы могли бы скрасить мое одиночество, если бы прислали вместо себя заместителя, который отныне неотлучно находится при Вашей особе и совсем забыл старых друзей, которым он, надо заметить, многим обязан. Я не думаю, что требую слишком многого; для двух же вышеназванных особ свидание, на которое Вы дадите свое милостивое разрешение, явится бальзамом, пролитым на их исстрадавшиеся души, и будет лишним доказательством Вашей к ним любви.

К. С.»

– О, Бог мой! – рассмеялась Диана, дочитав письмо до конца. – Камилла неисправима. Какой витиеватый слог! Чего проще было бы написать; «Диана, пришлите ко мне моего возлюбленного, я ужасно страдаю от долгой разлуки с ним». А ведь когда-то была не в меру лаконичной.

Она позвонила в колокольчик. Тут же в дверях появился лакей и склонился в поклоне.

– Позови Лесдигьера. Он, вероятно, во дворе со своей собакой.

Спустя несколько минут Лесдигьер вошел в кабинет герцогини:

– Вы звали, ваша светлость?

– Да, Лесдигьер. Кое-кто из наших общих друзей недоволен вашей забывчивостью по отношению к нему и просит вас навестить его.

– И кто же это?

– А вы еще не догадались?

И тут до него дошло. Святый Боже, да ведь они не виделись уже целую неделю!

– О, если вы говорите о друге, живущем на углу улиц Проповедников и Сен-Дени...

– Именно о нем и идет речь, сударь, и если вы немедленно не отправитесь туда, вы меня разочаруете.

– О мадам, – пылко воскликнул Лесдигьер, – как вы могли подумать!.. Простите... ваша светлость.

– Не извиняйтесь, я не стану вам больше пенять на обращение ко мне.

– Да, мадам.

Диана засмеялась:

– Ступайте, кавалер, ступайте, ветреный любовник, и помните: я отпускаю вас до утра. Передайте баронессе мой самый пламенный привет и скажите, что мы встретимся с ней завтра, на утренней мессе в церкви Сент-Ле.

Лесдигьер поклонился и вышел. Через несколько минут он оказался уже на улице Монморанси. На нем был белый атласный костюм, на голове – шляпа с синим пером, в кармане лежал туго набитый кошелек, на боку висела шпага с золоченым эфесом, а весь вид его говорил о том, что он весьма доволен жизнью. Выбрав самый короткий путь, Лесдигьер вскоре остановился у знакомого нам уже дома и принялся стучать кулаком в дверь, где не висел молоточек. Юноша на-

стойчиво принялся стучать кулаком в двери, над которыми не висели молоточки.

Но долго барабанить в дверь ему не пришлось. Поглядев на гостя через окошко с мелкой сеткой и узнав посетителя, служанка тут же впустила его.

– Это вы, мсье, слава Богу! Моя госпожа очень сердита на вас.

– И только-то? – улыбнулся Лесдигьер и ущипнул ее за щеку. – Ну, этот вопрос мы легко уладим.

– Кто там, Розита? – послышался в это время голос сверху.

– Шевалье де Лесдигьер, мадам, – громко сказала служанка.

На площадке второго этажа показалась вначале обрадованная, а затем вмиг ставшая надменной баронесса.

– Ах, вот оно что! – «равнодушно» протянула Камилла де Савуази. – А я-то думала...

– Что вы думали, мадам? – подхватил Лесдигьер, живо поднимаясь по лестнице.

– Что свет второй звезды затмил собою первую.

– Как вы можете так думать обо мне, Камилла? – проговорил юноша, входя в гостиную вслед за хозяйкой.

– ...и та погасла навсегда, забытая тем, – продолжала баронесса, садясь на диван, – в ком страсть к служебному рвению оказалась выше не только чувства признательности, но даже и простой дружбы.

– Клянусь вам, мадам, – пылко воскликнул Лесдигьер,

усаживаясь в кресло рядом, — что все это время я думал только о вас, единственной женщине, которой я всем обязан и без которой давно уже не мыслю своего существования!

Она с упреком посмотрела на него:

— С трудом верится, мсье. Но что это, разве я позволила вам сесть?

Лесдигьер немедленно поднялся.

Баронесса замахала веером и состроила гримасу презрения:

— Что за манера стоять, когда ваш собеседник сидит?

— Камилла, да что с вами сегодня? — он сел рядом с ней на диван. — У вас дурное настроение? А впрочем, ругайте меня, я действительно виноват, но знайте, что мадам герцогиня здесь совершенно ни при чем и мои чувства к ней не превышают простых обязанностей обыкновенного раба. Будь по-другому, разве она отпустила бы меня к вам?

Камилла отвернулась, чтобы скрыть радостную улыбку.

— Так это Диана вас отпустила? — спросила она, оборачиваясь вновь, но уже без улыбки. — Впрочем, мне об этом известно.

— Разве посмел бы я сам, без ее позволения, покинуть дворец, моя Афродита?³⁸

— А сами испросить у ее светлости разрешения на это вы, конечно, не догадались.

³⁸ Афродита (греч.) или Венера (рим.) — богиня любви и красоты. Родилась из морской пены (мифол.).

– Откуда вы знаете, что герцогиня сама, по собственному побуждению, отпустила меня?

– Потому что я попросила ее об этом. Я написала ей письмо и упрекнула в том, что она злоупотребляет своим положением по отношению к вам.

– Как! И вы посмели... принцессе королевской крови?..

– Это для вас она принцесса, а для меня – подруга, которая прекрасно понимает меня. Доказательство тому – то, что вы здесь.

– О Бог мой, Камилла, – Лесдигьер взял ее ладони и поднес их к губам, – так значит, вы хотели меня видеть?

– Да, шевалье, – произнесла баронесса, надув губки. – И это вынудило меня пойти на крайние меры, Франсуа, в то время как вы могли избавить меня от такого дерзкого шага.

Она не делала попыток освободиться из плена, и, по-прежнему держа ее ладони в своих, Лесдигьер опустился на колени.

– Камилла, поверьте, я так страстно мечтал все это время встретиться с вами вновь... Всею виной служба, и при встрече герцогиня сама скажет вам об этом. Вы же знаете, я – ее охранник, а поскольку она непрерывно совершает всевозможные поездки и наносит визиты, мне приходится сопровождать ее. А когда она, наконец, возвращается домой, меня требует к себе маршал де Монморанси, ее супруг, и я превращаюсь в верного оруженосца... Камилла, но с мыслями о вас, что вы, быть может, ждете меня здесь одна, в пустой

холодной комнате, терзаясь муками ревности и любви... А предмет ваших подозрений в это время стоит на часах в приемной короля и ждет, когда королевский Совет наконец закончится, и его господин освободится.

– Франсуа, мы с вами еще так мало знакомы, а вы уже о любви... – опустил глаза, произнесла Камилла.

– Но, Камилла, разве не любовь заставила меня лететь к вам на крыльях, едва я получил свободу от своих оков? И разве не любовь двигала вашей рукой, когда вы писали письмо?

– Ах, Франсуа, – вздохнула баронесса, слегка покраснев, – неужели же вы за столько времени не могли пожертвовать даже минутой, чтобы навестить меня?

– За минуту не добраться до вашего дома, мадам.

– А за десять? За полчаса?

– Полчаса хватит только на то, чтобы повидать вас и тут же уйти.

– Ну а за час?

– Что такое час для влюбленных? Мгновение, не больше.

– Ах, шевалье, вы несносны! – нахмурилась Камилла.

– Свободным от работы я бываю только по ночам, госпожа баронесса, но, как вы понимаете, я не могу позволить себе дерзости беспокоить вас в такое время.

– И совершенно напрасно, друг мой... Я засыпаю, как правило, поздно: лишь когда монастырские часы пробьют дважды.

– О мадам, – обезоруживающе улыбнулся Лесдигьер, – однако какой же от меня будет толк на службе, если я не стану спать еще и по ночам? Не успеешь оглянуться – прогонят.

– Не беда, подыщите другую. Устроитесь, например, к герцогу Неверскому. А может, и к самому де Гизу...

– Не забывайте, Камилла, что я – протестант.

– Ах, да, простите. Я и впрямь запамятовала... Но позвольте, маршал Монморанси, насколько мне известно, тоже католик!

– Мой господин – совсем другое дело, мадам, – убежденно проговорил юноша. – Уверен, что он не способен на те поступки, которые позволяет себе де Гиз.

– Вы имеете в виду что-то конкретное?

– Ну, например, маршал Монморанси вряд ли поднимет руку на беззащитных крестьян. Скорее всего, он просто изначально не допустит массовых волнений в своих владениях.

– О каких крестьянах вы говорите, Франсуа?

– А разве вы не слышали? Герцог де Гиз уже с месяц как усмиряет взбунтовавшихся подданных на востоке Франции.

– Где именно?

– В Шампани. На границе с Лотарингией.

– Вот как... – баронесса на мгновение задумалась. – И... что же... как скоро он вернется? – в ее голосе прозвучали нотки неприкрытого интереса.

Не уловив в настроении возлюбленной очевидной перемены, Лесдигьер непринужденно ответил:

– Гонец доставил моему господину сообщение, что Гиз уже собирается возвращаться. А вас его приезд волнует, Камилла? – игриво осведомился он.

– Лотарингия... Лотарингия... – машинально повторила баронесса, задумчиво теребя веер и не расслышав вопроса собеседника. Но вдруг резко вскинула голову и повернулась к нему: – А вы случайно не знаете, какой дорогой вернется герцог?

– В разговоре с графиней де Сен-Поль моя госпожа предположила, что он въедет в Париж через Сент-Антуанские ворота.

– Значит, дорога Сент-Антуанская, – медленно проговорила баронесса, поднимаясь.

Лесдигьер последовал ее примеру и теперь стоял, наблюдая за принявшейся возбужденно ходить по комнате возлюбленной ничего не понимающими глазами.

– Что вас так встревожило, Камилла? – осведомился он нерешительно.

– Известно ли вам, Франсуа, где находится Васси? – внезапно остановилась перед ним женщина.

– Примерно. Кажется, это небольшой городок в сорока лье от Парижа. Герцогиня Диана упоминала о нем в сегодняшнем разговоре с графиней Сен-Поль, – пояснил он.

– Так вот знайте: Васси расположен как раз на Сент-Антуанской дороге, ведущей из Лотарингии в Париж! – веер вдруг жалобно хрустнул и выпал из ее рук на ковер.

Подняв надломленную вещицу, Лесдигьер недоуменно спросил:

– И что с того?

Баронесса, пристально посмотрев на обескураженного протестанта, решительно потянула его за рукав, увлекая опять к дивану. Жестом предложила присесть, опустилась рядом и, по-прежнему не сводя с него глаз, торопливо заговорила:

– Франсуа, я не имею права об этом говорить, дабы не предать свою веру, но вам все же скажу...

– Да что случилось, Камилла? В чем дело?..

– Не перебивайте... Для начала предлагаю вам не строить никаких иллюзий относительно продолжения наших отношений. Несмотря на то, что вы, я знаю, любите меня, и я, признаться, питаю к вам те же чувства.

– О Камилла! – только и смог выговорить Лесдигьер, припав жадным поцелуем к ее руке.

– Я говорю вам об этом, – продолжала она, – зная, что вы снова исчезнете, чтобы исполнить свой долг перед членами вашей партии. Мы теперь опять долго не увидимся, а может быть... не увидимся никогда. Но я должна вам все рассказать, ибо не прощу себе потом своего молчания. Не простите и вы меня.

– О Бог мой, Камилла, ваши загадки меня просто пугают. Да скажите наконец, в чем дело!

– Слушайте внимательно, Франсуа. В местечке Васси, что

на Сент-Антуанской дороге, по которой обратно проедет Гиз со своим войском, состоится большое открытое собрание гугенотов вместе с их вождями и пасторами. Если Гиз обнаружит их, он непременно нападет и перебьет всех до единого. Нужно помешать этому, иначе быть беде. Это избиение может стать началом войны! Вы понимаете меня?

Лесдигьер молчал. Ему вдруг со всей очевидностью стал ясен смысл трагического момента, о котором говорила баронесса. Его сердце охватило тревожное предчувствие. Он нахмурился:

– Откуда вам об этом известно?

– От одной дамы, живущей на Сен-Жан-де-Бове, тоже католички. Ей удалось подслушать разговор своего дяди, гугенота, толковавшего об этом со своими собратьями.

– Что же, по-вашему, следует предпринять?

– Воспрепятствовать этому столкновению.

– Но как? И посмеет ли Гиз нарушить собственный эдикт?

– Ах, вы плохо знаете герцога. В погоне за славой и популярностью он решится на любую авантюру, невзирая ни на какой эдикт.

– Надо признаться, вы правы, – подумав, ответил Лесдигьер. – И если Гиз столь же безрассуден, неистов и горяч, как о нем говорят, то ему ничего не стоит напасть на собрание мирных людей. А оправдаться будет легко: скажет, что они первыми напали на него. Поверят Гизу, а не протестантам, будь они хоть сотню раз невиновны. Наша религия – рели-

гия бесправных и угнетенных. Нас считают бунтовщиками против светской и духовной власти. Нас предают гонениям и сжигают на кострах только за то, что мы увидели воочию всю порочность, продажность и бесстыдство церковников. При этом, вопреки их суждениям о нас, мы никогда не замыслили против них ни заговоров, ни убийств.

– Франсуа, вы, кажется, увлеклись. Мы говорим сейчас, как помочь вашим братьям по вере.

Лесдигьер рывком поднялся на ноги:

– Камилла, я сейчас же поскачу в Васси и предупрежу их об опасности!

– Собрание назначено на двенадцать часов дня первого марта.

– Послезавтра... У меня в запасе примерно пять часов до темноты сегодня, целый день завтра и плюс утро следующего дня. За это время я доскачу до Васси...

Вдруг он хлопнул себя по лбу:

– Черт возьми, да ведь именно в это время герцог должен быть близ Васси! Герцогиня Диана говорила об этом с одной из придворных дам королевы-матери в галерее Лувра. Будто бы все подстроено нарочно! Уж не было ли среди наших братьев предателя, устроившего такую ловушку?

– Откуда мне знать? – пожала плечами баронесса.

– Я вас ни в чем не обвиняю, Камилла, я только силюсь понять, как мог на тайное собрание протестантов попасть вражеский лазутчик! Ну, ничего, я исправлю эту оплошность

своих братьев.

– Что вы намерены предпринять, Франсуа?

– Я ведь сказал, что немедленно выезжаю.

– Ах, я так боюсь за вас, Франсуа, и все же не в силах удержать. А ведь может случиться, вы не вернетесь оттуда...

Лесдигьер усмехнулся:

– Пустое. Что такое смерть, как не та же жизнь, и отдать ее за свои убеждения – святое дело. А теперь прощайте, я должен ехать.

– Пойдите же, неугомонный! На чем же вы поедете, ведь у вас нет коня?

– Я вернусь во дворец и возьму лошадь на конюшне.

– Да ведь вы сами говорите, что дорога каждая минута. Возьмите моего рысака и скачите. Сумасшедший... – добавила она тише. – Франсуа, стойте, куда же вы?

– Вниз, за вашей лошадью.

– А как же герцогиня Ангулемская? Что она скажет, узнав о вашем внезапном отъезде?

– Я думаю, Камилла, вы выручите меня из этой беды. Изложите герцогине все детали нашего плана. Думаю, она простит мне этот дерзкий шаг, ведь моей заступницей являетесь вы. Прощайте, мадам!

– Франсуа... вы забыли...

Лесдигьер вернулся, с улыбкой обнял Камиллу, поцеловал в губы и только после этого спустился вниз.

– Ах, только не загоните мою лошадь! – крикнула Камил-

ла, перегнувшись через перила. — Она дорога мне как память!

Через минуту по булыжной мостовой послышался то-ропливый цокот лошадиных копыт, удалявшийся в сторону Сент-Антуанских ворот.

* * *

Камилла не спешила нанести визит герцогине Ангулемской, давая возможность Лесдигьеру уехать как можно дальше. Когда подруги встретились, баронесса тут же рассказала о спешном отъезде молодого гугенота.

— Да он что, в самом деле, — не на шутку встревожилась Диана, — вообразил себя Геркулесом³⁹, вздумавшим совершить тринадцатый подвиг? Возомнил, будто он Гармодий или Аристокитон?⁴⁰ А ты, Камилла, куда смотрела? Зачем ты его отпустила? Ужели и впрямь думаешь, что ему удастся уговорить гугенотов?

— Ах, Диана, он молод, как Нарцисс⁴¹, и горяч, как Франциск де Гиз. Удержать его было просто невозможно.

³⁹ Геркулес (рим.) или Геракл (греч.) — сын Зевса. Совершив 12 подвигов, обрел бессмертие (мифол.).

⁴⁰ В 514 г. до н. э. Гармодий и Аристокитон убили Гиппарха, известного тирана и деспота. Их имена стали нарицательными применительно к борцам против тирании.

⁴¹ Нарцисс (греч.) — прекрасный юноша, сын речного бога Кефиса (мифол.).

– Но почему он не посоветовался со мной? Я знаю, чем грозит государству встреча двух партий, и дала бы ему в помощь людей.

– Значит, ты тоже отпустила бы его?

– Да, – признала Диана. – Правду сказать, эти гугеноты – дружный народ и горой стоят друг за друга в минуту опасности. И наш юноша – тому пример. Но я не верю, что ему удастся убедить их разойтись, пока проедет Гиз с войском. Они слишком легковверны, эти протестанты; январский эдикт для них – вещь святая. Они верят в него, но не знают, что Гиз не упустит возможности устроить избиение, чтобы снискать еще большую популярность.

– Признаюсь, эта мысль и мне приходила в голову.

– Камилла, едем сейчас же в Лувр. Необходимо рассказать об этом маршалу или самой королеве. Они вышлют в Васси отряд во главе с Монморанси, который не допустит избиения гугенотов, могущего повлечь за собой необратимые последствия.

– Едем!

В Лувре их сразу же провели к маршалу Монморанси, супругу Дианы Ангулемской, кормившему борзых в своем кабинете. Выслушав обеих женщин и уяснив суть дела, Франсуа Монморанси нахмурился.

– Много гугенотов соберется там? – спросил он супругу.

– Около двухсот человек, – ответила за герцогиню Камилла.

– Будут ли там их вожди? Я имею в виду Конде и Колиньи.

– Об этом мне ничего не известно, но думаю, что эти двое не станут рисковать собою.

– На какое время назначена сходка?

– На двенадцать часов дня.

– Но Гиз к тому времени может уже проехать или, наоборот, задержаться в Нанси или Жуанвиле, так ничего и не узнав о сборище.

– Нет, Франсуа, мы имеем дело с предательством, – вмешалась Диана. – По всем расчетам, Гиз должен попасть в Васси именно во время богослужения протестантов.

– Вот как! И если он заметит, что они вооружены...

– ...то тут же нападет на них, прикрываясь нарушением эдикта, запрещающего протестантам во время богослужений иметь при себе оружие.

Диана кивнула.

– Так, так, – протянул маршал. – Забавно. Гиз выехал из Парижа с двумя сотнями всадников. В Эльзасе он наверняка завербовал наемников, так что, надо думать, у них с Неве-ром в наличии сейчас около пятисот шпаг и аркебуз. Силы весьма немалые для двух сотен безоружных.

– Он изрубит их в капусту! – воскликнула в отчаянии Камилла.

– И положит начало гражданской войне! Понимаете ли вы, сударыни, какой это будет иметь резонанс внутри страны? – взволнованно заговорил маршал. – Воодушевлен-

ные примером своего вождя, католики бросятся истреблять кальвинистов. Последние, в свою очередь, начнут избивать католиков, уничтожать иконы, распятия, статуи и повсюду устанавливать свой культ, отличный от римского права. Чего доброго, папа пошлет на помощь католикам свои войска, которые пройдут с огнем и мечом по нашей многострадальной земле, грабя и уничтожая все на своем пути. Достаточно нам уже итальянских войн, во время которых от своих же солдат пострадала добрая половина Франции.

– Что же делать? – спросили женщины разом.

– Оставайтесь здесь и ждите, я иду к королеве. Думаю, не в ее интересах развязывать войну, в то время как страна еще не оправилась от результатов итальянских походов и заключения постыдного мира.

По встревоженному выражению лица маршала Монморанси, едва он вошел, Екатерина сразу поняла, что случилась какая-то неприятность.

– Черт бы побрал Гиза с его походом! – воскликнула она, выслушав сообщение маршала. – Не хватало еще, чтобы он испортил мои усилия, направленные на предотвращение раскола внутри страны.

– Скорее всего, его это мало беспокоит, для него важнее собственная популярность среди католиков при папском дворе, и потому он с легкостью нарушит эдикт о терпимости.

– Что для него эдикт, когда перед ним такая цель!

– Надо думать, Ваше Величество, не все еще потеряно,

если одному из моих дворян, выехавшему в Васси, удастся уговорить гугенотов.

– Да, но послушают ли они его?

– Он протестант, государыня.

– Вы предусмотрительный человек, маршал, что послали именно его.

– Я не посылал его, мадам. Он сам немедленно уехал в Васси, едва узнав обо всем.

– Вот как? Весьма любопытно. Давно он служит у вас, маршал?

– Около пяти месяцев.

– Как его зовут?

– Шевалье де Лесдигьер.

Екатерина обхватила ладонью подбородок; ее брови сошлись вместе.

– Что-то знакомое... Откуда он?

– Из Лангедока. Обедневший дворянский род.

– Да, да, – пробормотала королева, – кажется, там есть та- кой. Как только шевалье вернется, немедленно займитесь его продвижением по службе, маршал, такие люди нам нужны. Но вначале приведите его ко мне, я хочу поговорить с ним.

– Хорошо, мадам, хотя рвение его, я думаю, вызвано не желанием способствовать вашей мудрой политике, а стремлением избежать кровопролития, которое может учинить Гиз над его братьями по вере.

– Как бы то ни было, герцог, его благородный порыв на-

правлен на предотвращение гражданской войны, а значит, на благосостояние Франции.

– Ваше Величество, я буду молить небо, чтобы этот юноша с честью выполнил свою миссию и вернулся живым и невредимым.

– Что вы намерены предпринять сами? Вдруг его путешествие по каким-либо причинам не удастся.

– Мадам, об этом я и пришел поговорить с вами. Я хочу немедленно выехать в Васси и остановить Гиза.

– Вы оказали бы этим огромную услугу отечеству и вашему королю, но успеете ли вы добраться туда к нужному сроку, путь ведь неблизкий?

– Думаю, что да, если отправлюсь немедленно.

Королева-мать задумалась. В том, что говорил маршал, был известный риск, но другого пути не существовало.

– Вашему дворянину, который отправился туда, – сказала она немного погодя, – не мешало бы получить у королевы письменный приказ, в котором она запретила бы Гизу применять оружие против беззащитных протестантов.

– Ах, мадам, разве вы не знаете Гиза? Он просто уничтожит приказ и заявит, что никогда и в глаза его не видел. А гонца, как нежеланного свидетеля, просто-напросто убьет.

– Да, да, – проговорила Екатерина, барабая жирными пальцами в перстнях по зеленому бархату стола, – Гиз на это способен. Вы потеряли бы преданного слугу, герцог, а Франция лишилась бы своего патриота.

– Вы правы, Ваше Величество.

– Поезжайте, маршал. Возьмите сколько хотите людей – моих ли, своих, все равно, – и отправляйтесь немедленно. Не дайте Гизу совершить глупость. Если будет сопротивляться, арестуйте его именем короля. Вот вам мой приказ, если этот честолобец заупрямится.

Она взяла перо и бумагу, быстро набросала несколько строк, подписала и приложила в углу свой перстень с выгравированными на нем лилиями дома Валуа:

«Герцогу Франциску де Гизу.

Предъявитель сего, маршал де Монморанси, действует по приказу короля; посему Вам надлежит выполнить его требования, кои он предъявит Вам в устной форме.

*Подписано: Екатерина-регентша,
27 февраля 1562 года.»*

– Поезжайте, – сказала королева-мать, вручая маршалу бумагу. И прибавила: – Надеюсь, у Франциска де Гиза достаточно благоразумия не устраивать потасовку с отрядом короля. Если же нет, я отправлю смутьяна в Бастилию. Счастливого пути.

Монморанси коротко кивнул и вышел.

Через четверть часа отряд численностью в пятьдесят человек выехал с улицы Астриус и помчался галопом вверх по улице Сент-Оноре в сторону предместья Сент-Антуан.

Глава 3. Васси

Расчет Лесдигьера оказался верным, и он благополучно прибыл в Васси первого марта. Без четверти двенадцать он подъехал к большой одноэтажной риге, возле которой группами стояли протестанты, образуя круг. В центре находился помост, с которого пастор из прихода Сен-Дизье должен был начать свою проповедь.

Лесдигьер знал, что Гиз еще не проезжал этой дорогой, находившейся в пределах видимости гугенотов. До поворота дороги, ведущей из Нанси в Сен-Дизье, было около четверти лье, а это значило, что авангард войска мог появиться внезапно.

Он тронул лошадь и выехал на поляну. Вдруг какой-то человек преградил ему дорогу и громко потребовал:

– Пароль!

Лесдигьер от неожиданности опешил и с удивлением посмотрел на незнакомца, стоявшего прямо перед мордой его лошади.

– Пароль! Иначе, сударь, клянусь Священным Писанием, вы не сделаете дальше ни шагу!

– Но почему?

– Потому что вы, сдается мне, подосланный шпион.

Незнакомец свистнул, из кустов выскочили еще трое его приятелей и обступили Лесдигьера.

– Вы совершаете ошибку, задерживая меня, – сказал Лесдигьер. – Я тоже протестант, и здесь потому, что хочу вас предупредить: сюда с минуты на минуту должен прибыть герцог де Гиз с войском.

– Герцог де Гиз?

Старший, тот, что первым остановил незваного гостя, поглядел в сторону риги и махнул кому-то рукой. От толпы отделились двое и подошли к ним.

– Что здесь происходит? – спросил один, по виду дворянин, одетый побогаче остальных и при оружии.

– Ваша светлость, этот человек утверждает, что нам всем грозит опасность.

– Вот как? – с иронией воскликнул дворянин и посмотрел на Лесдигьера. – Кто вы такой, сударь?

– Меня зовут Лесдигьер, мсье, – молодой гугенот спрыгнул с лошади и оказался лицом к лицу с незнакомцем.

– Ну так чего же вы хотите? – надменно спросил тот.

– Выслушайте меня, господа, и вы...

– Граф. Этого достаточно.

– Я такой же протестант, как и вы, клянусь кровью Христа и Его матери девы Марии. Я состою на службе у маршала де Монморанси, и совершенно случайно узнал, что сегодня в Васси состоится тайное собрание гугенотов...

– Кто вам сказал? – нахмурившись, спросил дворянин.

– Не все ли равно, граф, если новость, которую я вам привез, гораздо важнее?

– Итак, вы предпочитаете не называть имен.

– Во всяком случае, тех, которые могут быть скомпрометированы мною. Позднее, сударь, узнав эти имена, вы поблагодарите людей, носящих их.

– Продолжайте.

– Но еще раньше дошло до меня известие, что герцог де Гиз, объезжая свои владения, отправляется обратно в Париж. Если учесть, что сегодня утром он выехал из своего замка Жуанвиль, вполне вероятно, его войско в любую минуту может показаться на дороге.

– Ну и что же?

– Увидев толпу безоружных гугенотов, герцог сочтет момент весьма подходящим и нападет на вас.

– Мы не безоружны.

– Тем более. Это его только подзадорит, ибо в эдикте есть пункт, где сказано, что протестантам запрещено быть вооруженными во время собраний.

– Почему вы решили, что герцог должен быть здесь именно в это время?

– Потому что вас предали, и судьба собравшихся людей предрешена. Через несколько минут тут начнется побоище! Наступило недолгое молчание.

– Что вы предлагаете? – хмуро спросил дворянин, с беспокойством поглядев на дорогу.

– Вы все должны сейчас же разойтись. Позже, когда войско пройдет, можете собраться снова, никто вам уже не по-

мешает.

– Почему я должен верить вам?

– Потому что я ваш друг, хотя меня здесь никто и не знает. Единственный человек, кому я знаком и кто не сомневается в моем настоящем вероисповедании, – это принц Людовик Конде, который останавливался однажды у нас в замке.

– Ого! – насмешливо воскликнул незнакомец. – Так вы знакомы с принцами крови?

– Мсье, мы только теряем время на бесполезную болтовню.

– Хорошо, пойдемте к нашим братьям. Вы расскажете им все, о чем только что поведали мне. Как они решат, так и будет. Но если они признают в вас паписта и посчитают за шпиона, нам придется вас повесить.

– Снова напрасная трата времени, а между тем оно сейчас очень дорого для вас. Но будь по-вашему.

Лесдигьера отвели вместе с лошадыю к риге, и там, сосредоточив на себе любопытные взгляды, он рассказал двум сотням кальвинистов, какой опасности они подвергаются.

Наступила тишина. Но ненадолго; сразу же слышались недовольные голоса:

– С какой стати ему нападать нас? Ведь он нарушит тем самым королевский эдикт о терпимости!

– Он сделает это потому, – ответил Лесдигьер, – что принадлежит к семейству герцогов Лотарингских и является таким же католиком, как римский папа и наш король. Короле-

ва-мать никогда не простила бы принцу Конде того, что простит герцогу Гизу, и он прекрасно понимает это.

– Выходит, правительству наплевать на эдикт?

– Вовсе нет, но это не относится к Гизу. Этот человек возомнил себя в недалеком будущем королем, а потому любыми способами добивается признания французского народа. Что, как не избиение гугенотов принесет ему наибольшую популярность в массах?

– Но он француз, разве он посмеет напасть на безоружных соотечественников?

– Герцог вовсе не француз, его земли и родовые замки находятся на востоке, за пределами Франции. Посмеет ли он напасть, спрашиваете вы? Разве не Гиз учинил расправу над лучшими умами Франции в замке Амбуаз, когда для приговоренных не хватало виселиц и их вешали по его приказу на зубцах замковых стен? Разве не с его ведома заманили в ловушку наших вождей Антуана Бурбонского и Людовика Конде, которым только смерть короля помогла избежать топора палача? А кто собирался позвать во Францию иезуитов – воплощение кровожадности и мракобесия, – призывающих католиков к тому, что гугенотов надо душить, резать и сжигать на кострах? Чего же вам еще надо? Неужто вы полагаете, что он остановится теперь, имея в подчинении хорошо вооруженное войско?

Некоторые согласились с оратором, но большинство все еще не верили ему. Люди были словно ослеплены, будто на-

важдение какое-то нашло на них, заставив забыть о благоразумии. Будто дьявол вселился сейчас в души гугенотов; они принялись вдруг возмущенно вопить, указывая на Лесдигье-ра:

– Не верьте ему, это слуга Антихриста! Уж больно складно говорит! Он хочет, чтобы мы разошлись, рассчитывая заманить нас в настоящую ловушку, а не в ту, о которой здесь рассказывает!

– Мы сильны, пока мы вместе, не будем же расходиться, братья!

– Споймте, братья, псалом во славу Господа нашего. Он не даст нас в обиду.

– Не верьте ему, это шпион! Он посланник Гизов и подослан ими!

Это было провалом всех планов, которые лелеял Лесдигьер в отношении своих единоверцев, и он понял это, когда услышал, как в его адрес посыпались угрозы.

Дворянин, который разговаривал с ним и теперь все время стоял рядом, обернулся к нему:

– Сожалею, милостивый государь, но мне придется вас арестовать. Вас отведут на поляну и приставят двух человек, вам оставят даже вашу лошадь, если вы дадите честное слово, что не сбежите. Потом мы решим, что с вами делать.

– Глупцы! – воскликнул Лесдигьер и с сожалением оглядел собравшихся. – Какие вы все глупцы! Но, видит Бог, я сделал все возможное для предотвращения кровопролития,

и не моя вина, что через некоторое время о Васси станут говорить как о втором Амбуазе. И клянусь, что присоединюсь к вам в случае нападения!

– Хорошо, но если я увижу, что вы нарушили слово, я самолично застрелю вас! – и граф показал пистолет, спрятанный у него за поясом.

– Что ж, для предателя и труса это было бы заслуженным концом, – ответил Лесдигьер.

– Будем считать, что договорились. Отведите его, – приказал граф двум солдатам, судя по виду, немецким рейтарам.

Гугеноты тем временем уже слушали проповедь преподобного пастора. Меньше часа прошло с начала богослужения во славу истинной веры, как Лесдигьер увидел вдруг, что из-за поворота, скрытого густыми зарослями голого кустарника, показались всадники в доспехах и со знаменами на высоких древках. Кавалькада заполняла постепенно всю дорогу в пределах видимости, напоминая сплошную, с гулом ползущую вперед лавину.

Проповедь неожиданно оборвалась. Послышались тревожные возгласы:

– Войско!

– Сюда идет целая армия! Герцог де Гиз, лютый враг гугенотов!

– Спокойно, не поддаваться панике!

– Успокойтесь, братья, они нас не тронут!..

– Ну, теперь вы видите? – обратился Лесдигьер к своим

стражам. – Сейчас вы убедитесь окончательно, что я был прав.

Впереди войска на прекрасном белом коне восседал его светлость герцог де Гиз в доспехах и шлеме с белым султаном; рядом – герцог Неверский в аналогичном облачении, позади – знаменосцы, за ними – целая армия различно обмундированных вооруженных конников. Очевидно, в Лотарингии войско пополнилось наемниками из немецких ландскнехтов.

Гугеноты молча, насупясь, наблюдали за своими врагами по вере.

Оба герцога издали увидели толпу, собравшуюся у риги. Гиз о чем-то посовещался с Невером, потом поднял руку вверх, подавая знак; все войско вслед за ним свернуло с дороги и направилось на протестантов.

– Что это за сборище? – крикнул Гиз, подъезжая, но не обращаясь ни к кому конкретно.

– Это не сборище, милостивый государь. Вы видите перед собой собрание гугенотов, – ответил граф, выходя вперед.

Гиз круто осадил коня:

– Вы разговариваете с герцогом, милейший! Кто разрешил вам собираться здесь?

– Вы, монсеньор. В январе этого года.

– Вы имеете в виду эдикт?

– Вот именно.

– Но кто дал вам право нарушать его?.. Я вижу, вы и неко-

торые из еретиков при оружии; этим вы нарушили первый пункт эдикта.

– В войске, как правило, каждый солдат бывает при оружии, в то время как наша община состоит в основном из мирных прихожан, странствующих монахов и пасторов различных приходов, единственным оружием которых является Библия.

– Вам запрещается созывать собрания в городах или вблизи них. Вы нарушили это требование! – продолжал Гиз, пропуская мимо ушей ответ графа.

– Васси – не город, а всего лишь маленький населенный пункт.

– Но и не деревня! – усмехнулся Гиз.

– Мы не можем собираться в деревнях. Наша паства находится в городах, но мы и так отошли на достаточное расстояние от близлежащих Витри и Бар-де Люка, – пытался объяснить граф.

– Но вы забыли о Сен-Дизье, а он совсем рядом, не будет и мили! – герцог явно издевался.

Граф с трудом сдерживался, хотя уже прекрасно понимал, чем закончится этот спор.

– Сен-Дизье – такой же населенный пункт в несколько домов, как и Васси. Уж не прикажете ли нам отправляться к проливу Ла-Манш и устраивать собрания на плотках? Впрочем, может быть, под водами Ла-Манша тоже скрыт какой-нибудь город? В таком случае, не отправиться ли нам на

небеса? Уж там-то точно нет городов.

– Туда вы и отправитесь за вашу дерзость, – ответил Гиз, – вы и все ваши протестанты. Да сгинет еретическое семя по всей Франции! – громко крикнул он и взмахнул рукой: – Вперед, мои солдаты! Уничтожьте проклятых еретиков за богохульство над святой верой, за нарушение эдикта французского короля!

– За короля! За кардинала!

Солдаты, облаченные в кирасы и латы, обнажив шпаги, бросились в самую гущу безоружных протестантов.

И началась кровавая бойня. Немногие дворяне, бывшие при оружии, мигом выхватили шпаги из ножен, остальные падали под ударами мечей и алебард, сраженные выстрелами из пистолетов и аркебузов.

Граф бросился к риге, вскричав: «Вперед, доблестные рыцари! Умрем же с честью за Францию, за истинную веру!» Он вскочил на коня, его примеру последовали около сорока человек и, обнажив оружие, ринулись на солдат.

Решительный момент настал. Не обращая больше внимания на своих стражей, Лесдигьер вскочил на лошадь и, отчаянно размахивая шпагой направо и налево, вмиг оказался возле графа.

– Вы оказались правы, сударь! – прокричал тот ему. – А я был слеп и глух. Простите меня. Если нам удастся выйти живыми из этого побоища, я обещаю вам самую искреннюю дружбу.

– Я прощаю вас, граф, – ответил Лесдигьер, отражая сыпавшиеся на него удары, – и принимаю ваше предложение.

– Эй, юноша, – вдруг крикнул Гиз, обращаясь к нему, – а вы кто такой? Откуда здесь взялись? – он дал солдатам знак остановиться. – На вас цвета дома Монморанси. Что это значит?

– Это значит, монсеньор, что я действительно принадлежу к свите герцога де Монморанси.

– Какого черта тогда вы ввязались в драку? Отойдите в сторону, вас никто не тронет, хотя вы и покалечили уже двух моих людей.

– Это потому, что я гугенот, господин герцог, – с вызовом ответил Лесдигьер, – и мой долг обязывает прийти на выручку братьям по вере.

– Вот оно что, – протянул Гиз, – выходит, старый коннетабль начал вербовать для своего сына войско из протестантов? Что ж, в таком случае вам придется умереть, юноша, как и вашим братьям-еретикам. Сюда, ко мне! – крикнул он солдатам. – Убейте этого молокососа! Кстати, его приятель, обещавший свою дружбу, кажется, уже отдал Богу душу. Положите их в одну и ту же грязь. Пусть хоть после смерти их души будут вместе, раз они так этого хотели! Видите, молодой человек, я милостив к вам.

Лесдигьер оглянулся, но графа уже не было рядом. Он лежал на земле, перемешанной со снегом, с разрубленным до сердца плечом и пулей в груди и, силясь улыбнуться, широко

раскрытыми глазами глядел в хмурое мартовское небо.

На Лесдигьера бросились сразу несколько человек. Одно-го, самого первого, он сразил рубящим ударом по руке, и та моментально обвисла, выронив шпагу. Но, выпрямляясь, Франсуа не успел увернуться и получил колющий удар в левое плечо. В горячке он не обратил на это внимания, благодаря чему вовремя сумел отразить другие удары, хотя не избежал относительно легких ранений спины и головы. На какое-то время Лесдигьеру все же удалось вырваться из окружения, и он быстрым взглядом окинул место сражения. Из сорока дворян, вскочивших на коней по зову графа, в живых осталось человек десять, да и те вот-вот готовы были пасть под ударами окруживших их со всех сторон солдат. На земле убитыми или ранеными лежали около ста человек, почти все они были гугенотами. Оставшиеся в живых поспешно разбегались кто куда. Иные, помня об оружии, устремлялись к риге, но их настигали и безжалостно пронзали пиками и рубили шпагами. Те, что пришли сюда пешком или приехали на телегах, поднимали руки, моля о пощаде, но солдаты били мечами по этим рукам, а потом рубили наотмашь по ничем уже не защищенным головам... Тех же, что бегали по полю в поисках укрытия, догоняли и сбивали с ног копытами коней, а потом кололи насквозь копьями.

Со стороны могло показаться, что французские солдаты истребляют иноземных завоевателей. Это было бесславное, чудовищное избиение, и Лесдигьер понял: какие бы чудеса

мужества и героизма он ни проявлял, одному ему не совладать с полутысячным войском. Он приготовился к тому, что умрет вместе со своими братьями, и эта смерть показалась ему наилучшей из существующих. Но тут случилась неожиданная и совершенно невероятная вещь. Увидя занесенный над его головой смертоносный клинок, Лесдигьер из последних сил двумя руками отвел удар, и обе шпаги, сцепившись, с размаху обрушились на загривок его лошади. От боли она взвилась на дыбы, дико заржала и вдруг бросилась вперед, вырвалась из кольца окружавших ее врагов и помчалась в поле, в сторону Ревиньи, сразу же оставив далеко позади место сражения.

– Догоните и убейте его! – крикнул Гиз, и четверо всадников бросились в погоню за Лесдигьером. – Ренье! – позвал Гиз, и к нему тотчас подъехал один из его дворян.

– Слушаю, монсеньор.

– Немедленно поезжайте в Париж и подготовьте население к радостной вести. Расскажите отцам города о том, что здесь произошло, но без ненужных подробностей. Вы поняли меня, Ренье?

– Очень хорошо, монсеньор. Я представлю дело так, будто зачинщиками были они.

– Вы должны прибыть в Париж раньше меня. Город должен встретить меня так, как встречают своего короля, только что разбившего сарацин. Возьмите в попутчики одного из ваших друзей.

– Я все выполню, монсеньор, вы будете довольны, – и два всадника тут же помчались по дороге, ведущей в Париж.

Они уже почти скрылись из глаз, как вдруг навстречу попался отряд в пятьдесят человек, скачущий со стороны Витри. Обе группы молча разъехались, каждая в свою сторону, через несколько минут герцог де Гиз узнал в подъезжавшем всаднике Франсуа де Монморанси.

– Именем короля приказываю остановиться! – закричал маршал.

Глазам подъехавших всадников предстало ужасное зрелище: повсюду на земле, перемешанной конскими копытами со снегом и кровью, лежали убитые или корчились в муках раненые протестанты. Среди мертвых были и женщины; некоторые из них в агонии прижимали к груди свое дитя, иные бились на снегу со вспоротыми животами и разрубленными головами; их дети, по счастливой случайности оставшиеся в живых, стояли теперь на коленях и плакали над еще не успевшими остыть телами своих родителей.

– Ба, да это никак Монморанси собственной персоной! – воскликнул Гиз.

– Кто позволил вам нападать на беззащитных людей? – вскричал маршал.

Гиз усмехнулся:

– Они нарушили эдикт, и я наказал их за это.

– Ваше самоуправство вам дорого обойдется! Вам и всей Франции!

– Вы о войне? – герцог пожал плечами. – Я к ней давно готов. Но чего ради, маршал, вам вздумалось тащиться в такую даль? Не для того ли, чтобы опередить меня и заслужить похвалу королевы-регентши? Вашему отцу это удавалось, хотя, чтобы стяжать славу военных побед, он даже не покидал своего кабинета в Лувре.

– Я сумею наказать вас за ваши слова, герцог, будьте уверены, – ответил Монморанси, – если Бог не накажет вас раньше за ваши злодеяния! Мы подали бы дурной пример, если бы обнажили шпаги на виду у наших солдат, а потому отложим это до более благоприятного случая.

– Как вам будет угодно, маршал, – ответил Гиз с легкой улыбкой и коротко поклонился. – Я всегда к вашим услугам.

– Я здесь по приказу королевы-матери. Она узнала о собрании протестантов в Васси и послала меня, чтобы я помешал вам обнажить оружие против них.

– С чего бы, интересно, регентша предположила подобный исход? – не удержался от любопытства Франциск де Гиз. – Я ведь мог возвращаться в Париж и другой дорогой.

– Возможно, от недостатка доверия к вам.

– Похоже на правду. В последнее время Екатерина и впрямь не балует меня своим расположением... И что же, маршал, ее приказ у вас при себе?

– Да. Но я, кажется, опоздал, и надобность в нем уже отпала... Впрочем, думаю, сей документ нам еще пригодится. Во всяком случае, для всех встреченных по пути в Париж

мирных гугенотов он послужит надежной защитой от ваших бездумных выходок.

— О, так вы намереваетесь сопровождать меня в Париж в качестве конвоя?

— Увы, это будет выглядеть именно так.

— Какая честь, ха-ха! Вы слышали, Филипп? — повернулся Гиз к герцогу Неверскому. — И вы всерьез полагаете, маршал, — продолжил он, вновь обращаясь к Монморанси, — что с войском почти в полтысячи человек я подчинюсь вашему малочисленному отряду?

— У вас нет другого выхода, ваша светлость, — невозмутимо ответил маршал. — Невыполнение королевского приказа, как вам известно, карается весьма строго. Уверен, что участи мятежного феодала Карла Бургундского⁴² вы предпочтете роль законопослушного вассала.

— Будем считать, что вы меня убедили, — после минутного раздумья снисходительно изрек де Гиз. — А поскольку я и без того уже собирался возвращаться в Париж, разрешаю вам и вашему отряду составить мне компанию.

— Благодарю за оказанную милость, ваша светлость, — с неприкрытой иронией парировал маршал, — благо, как только что выяснилось, маршрут у нас общий. Но прежде позвольте задать вопрос: не встретился ли вам в Васси состоя-

⁴² Карл Бургундский (1433–1477), прозванный Смелым, — герцог, четвероюродный брат Людовика XI. Воевал с королем за сохранение политической самостоятельности и присвоение французских территорий. После смерти Карла Бургундия была присоединена к Франции.

щий у меня на службе дворянин по имени Франсуа Лесдигьер?

– Видимо, речь идет о том молодом человеке, который, вопреки моим уговорам, сражался на стороне еретиков? Да, я заметил на его мундире знаки принадлежности к вашей свите, герцог, и...

– Это Лесдигьер! – возбужденно перебил Монморанси. – Где он?

– Позорно бежал с поля боя. Я послал вдогонку четырех солдат, но они еще не вернулись. Кстати, ваш протеже, маршал, кажется, был ранен в схватке...

Монморанси обернулся к своему отряду:

– Де Монфор, возьмите нужное количество людей и выясните судьбу Лесдигьера! Доставьте его в Париж, в каком бы состоянии ни обнаружили. Мы уже выезжаем, но вы, надеюсь, нас догоните.

Гиз тем временем отдавал распоряжения герцогу Неверскому:

– Филипп, прикажите грузить на подводы раненых. наших, разумеется. Скоро отправляемся...

Наконец, гроыхая доспехами и вполголоса обсуждая минувшую битву, войско, словно огромная стальная гусеница, медленно тронулось с места и лениво поползло по раскисшей от начавшего таять снега дороге.

Гиз уже приготовился было прищипорить коня, дабы возглавить колонну, как вдруг с земли глухо, но отчетливо про-

звучал чей-то голос:

— Ты еще вспомнишь этот день, герцог! Настанет час, и Господь покарает тебя. А орудием Его возмездия стану я, Польтро де Мере... Запомни это имя, де Гиз!..

Герцог остановился. Разглядев среди множества расprostертых на земле тел истекающего кровью гугенота, он сплюнул в его сторону и расхохотался:

— Если прежде тебя не повесят на воротах собственного дома!

И, рассмеявшись собственной остроте, дал шпоры коню.

* * *

Услышав за спиной топот копыт, Лесдигьер оглянулся: его преследовали, потрясая в воздухе шпагами и пистолетами, четыре всадника.

Нестерпимо саднило и ныло плечо. Кровь из раны на шее медленно стекала за ворот и противно струилась по спине. Слабость нарастала с каждой минутой. Как назло, его обезумевшую лошадь вынесло на мягкую, вспаханную еще с осени землю, повсеместно покрытую темным ноздреватым весенним снегом, и копыта несчастного животного теперь то безжалостно проваливались в нее, то нелепо разъезжались в стороны. Утешало одно: преследователям приходилось не легче.

Позади раздался выстрел, и пуля пролетела над самой го-

ловой Лесдигъера. Потом грянул второй, и другая пуля, шипя, вонзилась в снег слева от лошади. Больше не стреляли: решили, видимо, подобраться поближе, чтобы бить наверняка.

И вдруг лошадь Лесдигъера сделала резкий скачок вперед. Он посмотрел вниз и увидел, что снег лежит какой-то особенной, светлой полосой, отличной от снега на полях. Выросший в сельской местности, Лесдигъер сразу понял, что поле кончилось, и он попал на дорогу, ведущую к домам, видневшимся далеко впереди.

Только таким путем теперь можно было уйти от погони, но этот же путь помог бы и солдатам Гиза догнать его, как только они выбрались бы на твердый грунт.

Как бы там ни было, Лесдигъер помчался вперед к тем далеким домикам в надежде, что там окажутся гугеноты, хотя по опыту знал, что среди крестьян почти нет протестантов. Протестантская религия была порождением города, а значит, дворянства, а крестьяне всегда видели в нем исконного врага, беспрестанно и беззастенчиво грабившего их.

По другую сторону дороги почва была испещрена небольшими бугорками с редкими деревьями меж ними, среди которых торчали высохшие стебли прошлогодней травы и камыша. Лесдигъер сообразил, что это – обширное болото, и у него моментально созрел план. Он продолжал скакать по твердой дороге до тех пор, пока не увидел, что кочки исчезли, а вместо них появилось поле, покрытое ровным сло-

ем потемневшего снега. Лесдигьер сразу же свернул, и снова его лошадь замедлила шаг, увязая в глинистой почве. Было необходимо отъехать как можно дальше от дороги, чтобы мысль о погоне по наикратчайшему пути сама пришла противнику в голову.

Так и случилось. Все четверо тут же бросились наперерез, и двое всадников, опередившие товарищей, моментально увязли в болоте. Бедняги не учли, что морозы давно кончились, и корка льда, что покрывала болото, уже основательно подтаяла. Минуту-другую они отчаянно барахтались в черной жиже, перемешанной со снегом, погружаясь все глубже вместе с лошадьми и тяжелым снаряжением. Наконец прозвучали их последние крики о помощи, и безжалостная черная зыбь, словно врата ада, навсегда сомкнулась над ними.

Двое других, видя печальную участь товарищей, поспешили отъехать от проклятого места и вновь бросились в погоню, но уже тем путем, каким проехал их враг.

Лесдигьер не торопился, хотя и значительно оторвался от своих преследователей; наоборот, он молча ожидал обоих всадников, которые быстро приближались. Это был его последний шанс.

Когда расстояние сократилось до десяти туазов, Лесдигьер поднял пистолет, который баронесса де Савуази предусмотрительно засунула ему в кобуру на луке седла, и выстрелил. Один из всадников схватился рукой за грудь и упал с

лошади, другой остановился в нерешительности, но Лесдигьер уже выхватил шпагу и помчался на него. Отступить было поздно, пришлось принять бой. Он закончился для солдата так же плачевно, как и для его товарища. Через минуту солдат замертво свалился на землю, судорожно хватая скрюченными пальцами мокрый снег.

Лошадь постояла с минуту, пока всадник размышлял о превратностях судьбы, заставляющих французов убивать друг друга только потому, что они по-разному веруют в Бога, и одни предпочитают проповедь, другие – мессу. Потом, в надежде успеть оказать помощь кому-либо из оставшихся в живых гугенотов, Лесдигьер повернул лошадь обратно. Но, едва выехав на тракт, разделяющий поле и болото, он почувствовал, что помощь нужна ему самому. Ослабев от потери крови и измученный болью в плече, он начал уже сползать с седла и, последним усилием воли направив коня в сторону деревни, потерял сознание, упав на гриву лошади и инстинктивно вцепившись в нее руками...

Очнулся Лесдигьер только под утро в теплой постели. Раны его кто-то заботливо перевязал, и они уже не так болели. Он открыл глаза и увидел человека, сидящего за столом и чистящего морковь. Юноша осмотрелся и понял, что находится в доме крестьянина. Посреди жилища громоздился стол, сколоченный из грубо отесанных досок. Вдоль стола, соразмерно его длине, – скамья, к стене прибита полка, на ней стояли горшки и миски, у некрашеной печи – кровать, у

перекосившейся и растрескавшейся двери пристроились деревянные ведра, стянутые обручами. В углу – старый, выдавший виды сундук из дубовых досок, на нем валялся ворох тряпья и драный полушубок; одежда гостя лежала тут же, у изголовья, на табурете, – вот и все, что было в доме.

За дверью замычала корова. Услышав это, крестьянин покачал головой. Увидев, что раненый пришел в себя, хозяин подсел к нему, прихватив с собою морковь, нож и миску с водой.

– Ну, вот вы и очнулись, господин. Вам лучше? – заботливо спросил он.

Лесдигьер перевел взгляд на незнакомого ему человека, сидевшего рядом с ним на низенькой табуретке. Тот был в серой рубашке из грубого полотна, рукава ее засучены выше локтя. На ногах – линялые суконные штаны, во многих местах неумело заштопанные. Обут в растрескавшиеся от времени башмаки, завязанные веревкой.

– Да, – ответил Лесдигьер. – Кто ты?

– Никто. Простой крестьянин.

– Ты здесь живешь?

– Это мой дом.

– Как я тут очутился?

– Ваша лошадь подвернула ногу и упала, потом и вы с нее свалились. Хорошо еще, что она не придавила вас.

– Где она сейчас?

– Издохла и лежит в сарае. Мы с соседом оттащили ее от

дороги, кое-как погрузили на телегу и привезли сюда. На ее теле мы нашли множество ран; непонятно, как она еще вас везла. Но теперь у нас будет мясо.

– Как жаль... она спасла мне жизнь... – Лесдигьер тяжело вздохнул. – А что было потом?

– Но сначала я принес вас сюда, раздел, обмыл раны и приложил к ним холстину, пропитанную настоем трав. Вы все время бредили, что-то кричали, кого-то рвались спасать. Я уж думал, не помешались ли вы, случаем, в уме. А потом вы уснули. И проспали до утра.

– Как тебя зовут, добрый человек?

– Жан Даву.

– Как думаешь, Жан, я смогу встать?

– И не думайте, раны сейчас же откроются.

– Сколько же времени понадобится, чтобы они зажили?

– Дней десять, не меньше.

– Я не могу столько ждать. Насколько опасны мои раны, Жан? – спросил молодой гугенот.

– Опасна та, что в плече. Чуть ли не сквозная. Клинок порезал кость. Мне случалось лечить такие раны, когда зверь рвал мясо, ломая кости.

– И что же?

– Выживали. А уж вы-то и подавно. Молодой, крепкий – видно, что не барского покроя.

– Действительно, я с юга, у моего отца замок и крестьяне. Там кругом деревни. Как ты узнал?

– Говорите просто. Руки не белые, грубые, знакомые с работой. На щеках хоть слабый, но румянец – не от пудры и помад, а от здоровья. В королевских дворцах такого не найдешь.

– Это верно.

– Лежите, ваша милость. Вам надо лежать. Видно, здорово вам вчера досталось.

– Не одному мне.

– Знаю. Слухом земля полнится.

– Кого же ты осуждаешь?

– Никого. Кто вас разберет, дворян, за что вы воюете. Нам, крестьянам, это ни к чему. Но раз вы добрый и простой человек, значит, ваша была правда, так я скажу.

– А вера?

– Какая мне разница, чьей вы веры, ведь не сарацин же. Богу сверху виднее, и коли Он вам помог, прислав меня в ту минуту, когда вы упали с лошади, значит, ваша вера Ему угодна.

– Спасибо, Жан. Как, оказывается, просто.

– Я почищу морковь, хотя не обессудьте, что ее мало. Урожай был плох. Да церковь забрала, да сборщики приехали... Коли не припрятал бы...

– Кто еще с тобой живет, Жан?

– Я один. Все умерли.

И больше ни слова. Значит, не хотел говорить. Допытываться Лесдигьер не стал.

– Чем ты живешь?

– Рыбу ловлю, зверя бью.

– В господских лесах и прудах?

– Где же еще? Но если узнает герцог, мне несдобровать.

– А хлеб? Зерно есть у тебя?

– Уже нет. Можно купить у мельника или в монастыре.

Муки, крупы, овощей... Да только где ж денег взять?

– А корова? Много ли молока дает?

– Куда ей. Кормить для этого надо, а чем? Я сена заготовил с осени, но приехал аббат со слугами, стог разметали, да весь и забрали... Теперь голодная, слышите, мычит?.. Пойду сейчас в поле, может, под снегом чего-нибудь насобираю. Вам молоко нужно, оно дает силу.

– Чего же ты сейчас насобираешь? Пожухлую траву, тростинки камыша? Есть ли тут постоянный двор?

– Корчма есть. Хозяин не бедствует, есть у него и сено, и кони даже.

– А далеко ли это?

– Рядом совсем. Деревня-то наша небольшая.

– Хорошо. А теперь подай-ка мою одежду, Жан, – Лесдигьер попробовал высвободить руку из-под одеяла, да только застонал от боли. – Нет, сам не смогу. Залезь в карман моих штанов, Жан, и вытащи кошелек.

Крестьянин сделал то, о чем просил Лесдигьер, и теперь молча, раскрыв рот от изумления, глядел на увесистый кошелек, лежавший на его ладони. Впервые в жизни он видел

такое чудо.

– Ты мог бы украсть его у меня. Почему ты этого не сделал? – спросил Лесдигьер.

Жан покачал головой:

– Мы честные люди, а не какие-нибудь разбойники. Возьми я ваши деньги, как бы стал глядеть вам потом в глаза?

Лесдигьер был растроган до глубины души. Этот человек был прост и чист – большая редкость в это беспокойное время.

– А теперь выложи монеты и сосчитай.

Жан долго шевелил губами, перекладывая монеты, морщил лоб, наконец вздохнул и признался:

– Не умею я считать, ваша милость. Одно знаю: этого мне хватило бы на целый год, даже больше.

– А дворянину в королевском дворце – на один день.

У бедного крестьянина от удивления отвисла челюсть.

– Да неужто? – только и смог выговорить он, тупо уставившись на монеты, рассыпанные по одеялу.

А Лесдигьер подумал о том, что ему немедленно надо попасть в Париж и рассказать королеве, что не гугеноты были зачинщиками вчерашней бойни. В том, что Гиз именно так преподнесет ей объяснение о событиях в Васси, Лесдигьер нисколько не сомневался.

– Я должен ехать в Париж, – сказал Лесдигьер и посмотрел на Жана. – Немедленно.

– Вы убьете себя.

– Пусть так, но эта смерть будет во имя истинной веры Христовой, а значит, угодна Богу.

Крестьянин только вздохнул в ответ.

– Мне нужна лошадь. Дня за два-три я должен добраться до Парижа.

– Раньше, чем через десять дней вам нельзя выезжать, – сказал Жан. – Раны ваши откроются, и никто не сможет вам помочь, когда окажетесь один на безлюдной дороге.

Выбирать не приходилось. Лесдигьер был единственным свидетелем событий в Васси, который мог описать правдивую картину случившегося; кроме него, это не сделает никто. И ради того, чтобы не допустить торжества Гиза, надо было поступать так, советовал Жан Даву.

– Хорошо. Возьми деньги и через десять дней купи мне лошадь. Не скупись, выбери лучшую, сам знаешь, какой путь мне предстоит.

– На эти деньги можно купить всех лошадей у хозяина корчмы.

– Остальные заberi себе и распоряжайся по своему усмотрению. Оставь мне немного на дорогу, чтобы я в пути не умер с голоду.

– Я буду благодарить небо за то, что оно послало мне вас, ваша милость!

...Через десять дней Лесдигьер почти оправился от ран и чувствовал себя вполне прилично, хотя все еще немного побаливало плечо. На одиннадцатый день он поднялся рано

утром, оделся, простился с Жаном, сел на лошадь и отправился в Париж.

Он прибыл туда поздно вечером шестнадцатого марта и по оживленному гулу на улицах и площадях, по тому, как парижане громкими криками приветствовали торжество католической религии и предрекали смерть гугенотам, Лесдигьер сразу же понял, что случилось. Чтобы убедиться в своей догадке, он решил спросить об этом у одного из горожан, по виду сапожника, стоявшего прямо под вывеской, изображавшей огромный сапог с высоким каблуком и шпорой.

– Как, сударь, вы не знаете? Да ведь сегодня возвратился из похода де Гиз! – получил он ответ на свой вопрос.

Вот как. Значит, они прибыли в один день.

– Сожалею, но мне еще не довелось видеть его светлость, я только что вернулся в Париж из дальних странствий.

– Надеюсь, ваша милость – добрый католик, коли вы так уважительно отзываетесь о нашем герцоге?

– Ты можешь быть спокоен, я сейчас же поеду в Лувр засвидетельствовать свое почтение монсеньору де Гизу. Но я должен знать, что произошло, чтобы не попасть впросак, ты понимаешь меня?

– Я охотно расскажу вам, ваша милость, – ответил горожанин. – Сегодня в город приехал герцог де Гиз со своим отрядом – человек сто, не более. Так вот, весь Париж встречал нашего герцога как героя. Заметили вы флаги и штандарты, развешанные вдоль улицы Сент-Антуан? Это отцы горо-

да повелели украсить Париж в честь прибытия победителя гугенотов.

– Разве он сражался с гугенотами?

– Да еще как, ваша милость! Говорят, их было не меньше тысячи, и они предательски напали на герцога и его людей, когда те возвращались из Нанси.

– Где же это случилось?

– Это произошло близ Васси. Он разбил их наголову и вернулся с победой, наш доблестный герцог. А по дороге в Париж еретики снова хотели напасть на него в Витри и Шалоне, но побоялись. Хвала Создателю и слава герцогу де Гизу!

В том, что говорил сапожник, была известная доля истины. Когда Гиз в сопровождении маршала Монморанси подъезжал к Витри, дозорные, высланные вперед, сообщили, что близ города их ждут вооруженные протестанты числом не менее в полтысячи. Такое же войско ждало их и в Шалоне. Весть о резне в Васси распространилась молниеносно, и теперь гугеноты жаждали отомстить.

– Ну, – повернулся Монморанси к герцогу, – что теперь скажете, вы, закованный в латы победитель безоружных?

Гиз, нахмурившись, молчал. В его расчеты такая встреча не входила. Итог предстоящего сражения представлялся сомнительным, ибо силы были равны. Хватит с него и Васси, он должен живым и со всем отрядом победоносно вернуться в Париж; а если его обвинят в трусости, он сошлется на Мон-

моранси, имевшего приказ регентши о запрещении применять оружие против протестантов.

Так он и сказал маршалу, только теперь оценив всю выгоду его появления вместе с королевским приказом.

– Что вы намерены предпринять? – спросил Монморанси.

– Повинуясь приказу, я должен избежать неминуемой стычки, а посему мы объедем Витри и Шалон другой дорогой.

– С чего бы это вдруг? – насмешливо произнес маршал. – Почему бы вам снова не напасть на протестантов, или вас смущает то, что теперь они вооружены?

Кровь бросилась герцогу в лицо при этих словах. Конь его заржал и взвился на дыбы, повинуясь руке всадника, а сам он в гневе воскликнул:

– Господин маршал! Ни один человек во Франции не смеет упрекнуть герцога де Гиза в трусости и малодушии, даже муж дочери короля! Вам хочется посмеяться надо мной? Что ж, в таком случае я немедленно брошу свою конницу вперед, и вы воочию убедитесь в справедливости моих слов!

– Нет, черт вас возьми! – воскликнул маршал. – Я послан королевой-регентшей не для того, чтобы позволить вам устраивать потасовки по пути следования! И если вы вздумаете перечить приказу королевы, то я обязан буду вас немедленно арестовать. Если же вы хотите оказать сопротивление, то я предлагаю вам, герцог, как дворянину, спешиться и обнажить оружие. Только так мы сможем уладить этот кон-

фликт.

Герцог презрительно усмехнулся и равнодушно передернул плечами:

– Что ж, поступайте, как знаете. Я солдат, и мой долг – повиноваться вам, ибо вы действуете по приказу королевы-регентши. Но впредь не провоцируйте меня, не то мы перережем друг другу глотки.

Монморанси дал знак, и отряд двинулся в обход Витри...

– Как же парижане узнали о событиях в Васси? – недоумевая, спросил Лесдигьер сапожника.

– С неделю назад или того раньше приезжал гонец от его светлости, он и привез радостную весть. Уж будьте спокойны, ваша милость, Париж достойно встретил своего героя. Были даже представители Университета, ректоры, деканы, святые отцы городских монастырей и все служители из городского управления, а встречал его сам коннетабль. Эх, ваша милость, чего бы вам приехать немного раньше, вы увидели бы это собственными глазами. Его встречали залпами из аркебуз, а под копыта коня бросали цветы первые красавицы Парижа. Верите ли, сударь, так не встречали еще ни одного короля, и если уж честно говорить, то мы не желали бы другого монарха. А вы как думаете, ваша милость?

– И я думаю так же, – хмуро ответил Лесдигьер.

– Да здравствует герцог де Гиз! – воскликнул сапожник, сияя счастливой улыбкой.

– Ну вот, теперь я в курсе дел, – сохраняя выдержку, ска-

зал Лесдигьер. – Возьми эту монету, приятель, она послужит тебе наградой за твой рассказ.

– О, да я еще не обо всем сказал вам, ваша милость, – обрадовался сапожник, поймав монету на лету.

– Что же ты забыл?

– Что наш купеческий прево⁴³ господин Жанторо предложил его светлости от имени города двадцатитысячный отряд! Вы представляете? Такого никогда не было даже у короля! С таким войском ему не страшен и сам дьявол с его преисподней.

И сапожник осенил себя крестом.

– Это верно, – невесело пробормотал Лесдигьер. – И что же, герцог согласился, надо думать?

– Не знаю точно, ваша милость, но полагаю, что так. А еще святые отцы из аббатств целестинцев, Святой Женеьевы и Сен-Мартен вкупе с прево предложили герцогу два миллиона ливров для борьбы с гугенотами.

– Два миллиона ливров? Ого, целое богатство!

– Еще бы! Теперь у монсеньора хватит сил и средств, чтобы искоренить еретическую заразу по всей стране...

У Лесдигьера зачесались руки от желания выхватить плетку и оттянуть ею этого рьяного католика вдоль спины, чтобы надолго запомнил день встречи с настоящим протестантом.

⁴³ Прево – в средневековой Франции должностное лицо, выполняющее судебские и административные функции.

Сапожник между тем продолжал, не замечая, как у всадника от злобы заскрипели зубы:

– Теперь-то уж можно не таиться и в открытую убивать гугенотов; говорят, что настоящая война скоро начнется.

Лесдигьер не стал дальше слушать горожанина и вонзил шпоры в бока лошади, направив ее в сторону Лувра, а сапожник так и остался стоять с раскрытым ртом, не понимая, почему сиятельный вельможа, к разряду которых он причислил Лесдигьера, не положил в его ладонь еще одну монету.

Глава 4. В Лувре. Как нажить за один вечер сильных врагов и обрести не менее сильных друзей

Все было так, как поведал Лесдигьеру горожанин. Гиза действительно встречали со всеми почестями, оказываемыми в торжественных случаях знатнейшим людям королевства, и после резни в Васси, о которой трубили уже на всех улицах, он выглядел в глазах народа подлинным героем, настоящим Аяксом Теламонидом⁴⁴. И когда Лесдигьер шел по галереям Лувра в поисках Монморанси, он видел, что повсюду – у стен, у колонн, у перил – придворные передавали друг другу весть о победе Гиза над армией протестантов.

⁴⁴ Аякс Теламонид – могучий, грозный и непобедимый воин, сын Теламона (мифол.).

Он нашел маршала в приемной короля. Монморанси стоял в нескольких шагах от королевских апартаментов между бронзовыми статуями Зевса и Геры и был занят беседой с адмиралом Колиньи, одним из вождей гугенотской партии.

— Черт возьми, да это же Лесдигьер! — вскричал маршал, увидев своего оруженосца. — Рад видеть вас живым, шевалье! — продолжал он, обнимая юношу за плечи. — Но каким образом? Ничего не понимаю. Гиз уверил меня, что, опознав в вас человека, служащего дому Монморанси, он не пожелал причинять вам зла. А когда вы ускакали прочь с места сражения, герцог выслал вслед четырех всадников, приказав привезти вас обратно с тем, чтобы вернуть мне. Но я подозреваю, что, скорее всего, он приказал убить вас, дабы не оставлять в живых ненужного свидетеля. Я послал на ваши розыски своих людей; они сообщили, что видели множество следов от лошадиных копыт, потом обнаружили двух убитых солдат близ какого-то болота, но вас не нашли. Я подумал, что вы утонули в этом болоте. Мне было невыносимо тяжело мириться с потерей такого человека как вы, Лесдигьер, и, помнится, в дороге я наговорил Гизу кучу дерзостей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.